

ИСТОРИЯ ГАЛАКТИКИ АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Андрей Ливадный
Нечеловеческий фактор

«Автор»

2026

Ливадный А. Л.

Нечеловеческий фактор / А. Л. Ливадный — «Автор», 2026

Мир, отданный во власть машин, навсегда остановится в развитии, ибо у кибернетических систем нет стремлений. Они исполняют функции, а люди, замкнутые в комфорте техносферы, теряют самоидентичность, ведь им нет нужды проявлять себя. Однако, Галактическая война изменила все. На поле боя воцарились кибернетические комплексы, не знающие пощады и сострадания, но они уступали людям в гибкости мышления, и тогда был сделан последний шаг за черту, – появился модуль искусственного интеллекта «Одиночка», рассчитанный на прямой нейросенсорный контакт с пилотом. С тех пор сознания многих людей и машин переплелись так тесно, что они уже не мыслили себя друг без друга...

© Ливадный А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Ливадный

Нечеловеческий фактор

Глава 1

2637 год. Земля. Раннее утро...

Низкорослый, седой, плотно сбитый человек в форме адмирала военно-космических сил Земного Альянса стоял у панорамного окна, глядя на знаменитую многоуровневую площадь Пяти Углов.

Три десятилетия назад здание Всемирного Правительства, возглавляемого в ту пору Джоном Уинстоном Хаммером, было известно каждому жителю Солнечной системы, а затем, с началом Галактической войны, стилизованные очертания штаб-квартиры Альянса, изображенные на логотипе штурмовых подразделений прародины, узнали и во многих других уголках освоенного людьми космоса.

Теперь здесь царил лишь незримый дух прошлого.

Джон Хаммер, как и его преемник Александр Нагумо, больше не входили по утрам в свои рабочие апартаменты. Их время истекло, но война продолжалась, приняв крайние, непримиримые формы.

Сейчас у окна стоял адмирал Табанов.

Он не боялся призраков и не оглядывался на тени, которые, казалось, наполняют собою пространство огромного кабинета. В далеком 2610-м году лейтенант Табанов шагнул из юности в сумеречный ад техногенных сражений. Начав пилотом серв-машины, он на собственной шкуре познал все грани войны. Видел, как гибнут планеты и сгорают цивилизации, терял друзей, близких, пока не остался совершенно один, на самой вершине власти.

Сейчас, глядя на площадь Пяти Углов и окружающие ее мегакварталы, Табанов, в противоположность Джону Хаммеру, не видел за прозрачными полимерными фасадами зданий человеческого муравейника. Двадцать девять лет войны превратили Землю из перенаселенного, урбанизированного мира в мертвое средоточие технологий, где на одного человека приходилось неисчислимое множество кибернетических систем.

Адмирал поднял взгляд выше.

Парки, разбитые на выносных площадках, зеленели, как встарь, но теперь сегменты оранжевых куполов заменили на толстый прозрачный бронепластик, а под кронами деревьев таились батареи импульсных орудий противокосмической обороны.

Техносфера царила повсюду. Она рвалась ввысь очертаниями необитаемых кварталов, отданных под нужды ИИ, вгрызалась в земную кору системами коммуникаций, отвоевывала простор у океанов, закрывая водную гладь панцирем искусственной тверди.

...

Раздался предупреждающий сигнал. Система проверила полномочия прибывшего, и дверь кабинета отворилась.

– Игорь Алексеевич, вызывали?

Табанов обернулся.

– Пойдем, прогуляемся.

Начальник отдела спецопераций Флота не проронил ни слова. Не спросил, зачем куда-то идти, если им обоим доступен тактический Слой киберпространства, где мановением мысли можно смоделировать любую ситуацию. Он лишь сдержано кивнул.

Раздался шелест механизмов. Облицовка одной из стен сдвинулась, открывая доступ к индивидуальной парковочной соте. Отсюда система могла открыть электромагнитный тоннель к любой точке планеты или даже в зону орбит, если необходимо.

* * *

Через несколько минут отроги мегаполиса остались позади, а вскоре внизу показался островок зелени. Один из оазисов биосферы, воссозданный корпорацией «Генезис»¹ еще на заре эпохи Великого Исхода.

Здесь пахло хвоей. Небольшое лесное озеро, пара замшелых срубов на берегу, причал, лодка и мостки, уходящие в воду, создавали ощущение глубокой старины.

Перед мысленным взглядом промелькнула строка архаичного текстового сообщения:

«Потеряна связь со Слоем киберпространства».

– Вот теперь можно поговорить, – Табанов подошел к урезу воды. – Докладывай.

Тишина поначалу оглушила. Сычев пару раз уже бывал тут. Ощущения, мягко говоря, необычные. Разум любого человека с самого рождения прочно вплетен в различные кибернетические сети, но тут не работало ни одно из подключений.

– Давай вкратце. Самую суть, – подстегнул его мысли Табанов.

– Инцидент произошел в непосредственной близости от Марса. Одиночный штурмовик Флота Колоний совершил всплытие из гиперсферы и был сбит средствами противокосмической обороны одного из автоматических орбитальных заводов.

– Вывод ИскИнов?

– Слепой рывок.

– Они проверяли обломки?

– Нет. Их подхватил ближайший буксир службы утилизации.

– А ты как узнал о происшествии? Случай вроде бы заурядный, учитывая накал боев на фронтах.

– Район выхода из гиперкосмоса уже пару раз привлекал мое внимание. Несколько «слепых рывков» за полгода, со схожими координатами прокола метрики, случайностью не назовешь. Скажем так: для кибернетических систем величина исчезающе малая, а для меня – крайне тревожный звоночек. В общем, обломки мои парни перехватили. До утилизации дело не дошло. Корпус «Гепарда» отбуксировали к выработанному астероиду, где полно удобных площадок и нет сплошной сетки сканирования.

– Ну и? – Табанов редко проявлял нервозность, но сейчас напряженное ожидание ответа выразилось в легком подергивании щеки, рассеченной давним шрамом.

– Пилот погиб. Логи бортового журнала не велись, что говорит о секретности поставленного перед ним задания. Из обломков удалось извлечь детали гиперпривода и уцелевший масс-детектор. Он оказался намного более чувствительным, чем наши серийные «МД-300». Внепространственный двигатель «Гепарда» имеет выраженные особенности конструкции, но собран явно не «на коленке», скорее всего предсерийный испытательный образец.

Сычев взял прутик и за неимением лучшего начертил схему на мокром прибрежном песке.

Табанов, взглянув на сетку горизонталей, сразу понял, о чем идет речь. Навигационные линии гиперкосмоса сплетались в знакомом узоре, обозначающем Солнечную систему и ее ближайшее звездное окружение на удалении трех стандартных прыжков.

– Ты с масштабом ошибся, Саша. И где помехи от наших защитных станций?

¹ Подробнее о корпорациях «Генезис», «Римп-кибертроник» и «Мегапул» в романе «Слепой рывок».

– Ошибки нет.

– Расстояния между узловыми точками слишком малы, – упрямо указал Табанов, твердо зная, о чем говорит.

– Верно. Малы, – согласился Сычев. – Но это объективные данные, снятые с масс-детектора «Гепарда». А линий переадресации² нет, от слова «вообще». По моим предположениям штурмовик прорвался на второй энергоуровень гиперкосмоса, где нет поставленных нами помех, а расстояния между навигационными узлами сети почти вдвое короче.

– То есть, по-твоему, пилот «Гепарда» смог открыть переход на второй уровень гиперсферы, и продержаться там достаточно долго, чтобы сменить навигационную линию без промежуточного всплытия?

– Он сменил три навигационные линии на бортовом ресурсе накопителей.

– Теория или вывод? – прищурился Табанов.

– Твердый вывод, на основе расшифровки данных с трофейного масс-детектора. Изменения в конструкции гиперпривода добавили кораблю пятьдесят четыре минуты автономии. Сам понимаешь, в условиях гиперкосмоса – это очень много.

– Кто еще в курсе?

– Никто. Ты и я.

– А группа захвата? Техники, снимавшие показания с масс-детектора и изучавшие системы штурмовика?

– Они все еще на астероиде. Охраняют объект. Импланты заглушены.

Табанов долго молчал, глядя на темную гладь озера. Внезапный информационный удар оказался слишком силен.

– Сколько, по-твоему, потребуется Флоту Колоний, чтобы перейти к серийным образцам?

– Год, максимум, – ответил Сычев и сразу добавил, предупреждая закономерный вопрос: – Мы можем попытаться скопировать технологию, если отдадим данные нейросетевым ИскИнам.

– Думай, что говоришь! – резко осадил его Табанов. – Хочешь спустить с поводка армады «Одиночек»?

– А какие у нас варианты?

Табанов исподлобья взглянул на старого боевого друга, – единственного, кто еще остался в живых из его призыва.

Двадцать девять лет войны. Двадцать девять лет безумной гонки технологий. Как итог: по одну сторону пространственных фронтов сейчас сосредоточены боевые искусственные интеллекты, скупо разбавленные людьми, а по другую – поколения колонистов, рожденные в условиях ненависти, без преувеличения вскормленные кровью. Ни одни, ни другие не остановятся. Единственное, что до сих пор являлось сдерживающим фактором, – это низкие возможности гиперпривода, обязательная необходимость совершать промежуточное всплытие для зарядки накопителей и смены навигационных линий.

Теперь эта проблема решена. Линия Хаммера, много лет надежно защищавшая Солнечную систему от прямого вторжения, вскоре утратит свой смысл, а вслед развалятся пространственные фронты, – при новых возможностях гипердвигателя обе стороны смогут атаковать друг друга, игнорируя прежние ограничения, нанося удары в самое сердце цивилизаций.

– Вариант один, – тяжело произнес Табанов. – И ты его знаешь. Нашел Волкошина?

– Да. Все оказалось именно так, как ты предполагал.

² Ложные навигационные линии гиперкосмоса, созданные при помощи специальных станций. Их аппаратура, имитируя горизонталь, на протяжении многих лет отклоняла корабли Флота Колоний от курса на Солнечную систему, приводя их к оборонительным рубежам «Линии Хаммера».

- Где? – сухо спросил Табанов.
- В поясе Койпера. Он воспользовался шестью заброшенными колониальными транспор-
тами, чтобы создать на их основе орбитальную станцию.
- Подготовь корабль. Возьми своих парней, возможно придется прибегнуть к силовому
решению.
- Ты летишь?
- Да. Обеспечь инкогнито.
- Игорь, – Сычев редко позволял себя фамильярность, но теперь стало все равно. Он,
как и Табанов отчетливо понимал грядущее, – Игорь, управляющие ИскИны тем или иным
способом получают разведанные о новом типе гипердвигателя.
- Но они не успеют поставить его в серию, – Табанов на корню пресек бессмысленный
спор. – У нас год, Саша. Всего год, понимаешь? Подготовь корабль, мне нужно лично встре-
титься с Волкошиным.

* * *

Окраина Солнечной система. За орбитой Нептуна...

Холод и тьма царили тут испокон веков.

Солнце превратилось в обычную искорку. Пояс Койпера в основном состоит из частиц
пыли, замерзших глыб метана и аммиака, да небольших астероидов, – космического мусора,
оставшегося после формирования нашей звездной системы.

Человеческая деятельность на удалении в пятьдесят астрономических единиц от Земли
теряла экономический смысл и лишь с наступлением эпохи машин здесь начали появляться
автоматические корабли, ведущие поиск ресурсов.

Корвет сил специальных операций, осуществив опасный внутрисистемный прыжок,
вышел в трехмерный континуум за орбитой Плутона. Табанов счел риск оправданным. Он не
мог позволить себе нескольких месяцев путешествия на досветовых скоростях.

– Как ты вообще смог его отыскать? – спросил адмирал, напряженно ожидая появления
интересующего его объекта.

– Интуиция, – ответил Сычев. – То, чем изначально обделены искусственные интеллекты.
Мотивы человеческих поступков лежат вне образа их мышления. К тому же глобальная ней-
росеть не ворошит прошлое, плохо понимая истинную ценность истории.

– А точнее?

– Маршрут, по которому мы движемся, проложен еще в эпоху Великого Исхода. Внут-
рисистемные прыжки, как и безопасные «окна» для всплытия в поясе Койпера освоены еще
при буксировке колониальных транспортов в точку старта. Корпорация «Римп-кибертроник»
содержала здесь техническую базу и группу резервных кораблей на случай внештатных ситуа-
ций. Некоторые из них так и остались не у дел, когда колониальный бум угас.

– Почему же транспорты не вернули, хотя бы на орбиту Марса? – спросил Табанов.

– Корпорация фактически развалилась, когда Екатерина Римп и большинство ведущих
сотрудников покинули Солнечную систему³, – пояснил Сычев. – Активы со временем пере-
шли в собственность Всемирного Правительства, но документы явно подчищены. Кто-то из
корпов успел урвать себе неслабые куски пирога при дележке. Участок пространства, где мы
сейчас находимся, до сих пор числится «частной территорией». Двадцать лет назад отсюда

³ Подробнее в романе «Беглец».

поступил запрос на покупку весьма специфического оборудования и расходников. В ту пору «Одиночки» еще не пролезли во власть, а закупки шли через гражданские ведомства. Я восстановил цепочку событий. Некий военный пенсионер решил заняться бизнесом, – тогда это еще не возбранялось. Старенький транспорт с логотипом «Римп-Кибертроник» несколько раз доставлял на марсианскую орбиту редкоземельные элементы, а назад увозил оборудование, пылившееся на складах еще со времен «Исхода». В накладных фигурировала интересующая тебя фамилия, так что факты сложились. Между прочим, он далекий потомок одного из корпов, что объясняет права на частную собственность.

– Жаль, что старик по-прежнему верит в чудеса гуманизма, – Табанов заметил проблеск света на обзорных экранах и через модуль дополненной реальности укрупнил изображение.

Из мрака проступили контуры шести огромных, плотно состыкованных между собой колониальных транспортов.

Вид древних, но так и не стартовавших из Солнечной системы кораблей, пробудил в душе адмирала противоречивые чувства.

Когда началась война, он жил в крохотной автоматизированной кварткапсуле, затерявшейся в недрах одного из мегаполисов урбанизированной Земли. Как и большинство сверстников, Игорь имел лишь смутное представление о «настоящей жизни», а горизонт и открытое небо над головой видел лишь в Слое киберпространства.

В таких условиях идеи главы Всемирного Правительства воспринимались легко. Джон Хаммер утверждал, что все пригодные для освоения планеты, в радиусе нескольких десятков световых лет от Солнечной системы, уже заселены в эпоху рискованных «слепых рывков».

«Прихотью гиперсферы, Земля оказалась в плотном кольце колоний, которые спустя четыреста лет автономного существования не желают признавать прародину, наотрез отказываются принимать новых поселенцев из метрополии, и потому только короткая, победоносная война сможет открыть дорогу для второй волны галактической экспансии человечества», – так утверждала пропаганда.

Наглая ложь. К тому времени уже существовали апробированные технологии терраформинга, а в мифическом «окружении колоний» на самом деле зияли внушительные бреши: во многих ближайших звездных системах (позже образовавших оборонительный пояс, известный как «Линия Хаммера»), поселенцы эпохи Исхода потерпели неудачу. Свидетельства тому Табанов видел своими глазами. Разбившиеся при посадке колониальные транспорты, либо пустующие поселения, вымершие из-за экстремальной враждебности чуждых биосфер, встречались довольно часто.

Для освоения такого рода «проблемных» миров требовались усилия поколений и огромные капиталовложения, но откуда их взять, если ресурсы Солнечной системы давно исчерпаны? На тот момент в распоряжении Всемирного Правительства имелся оставшийся не у дел, закаленный во внутрисистемных войнах боевой флот, а подавляющее большинство населения Земли и Марса, являлось генерацией обезличенной субкультуры Слая.

Джон Хаммер, обладая абсолютной властью над цифровым пространством (а значит и над умами миллиардов пользователей), своим единоличным решением избрал силовой вариант развития событий. Планетные цивилизации, возникшие в эпоху Великого Исхода, выглядели легкой мишенью. После веков борьбы за выживание, потомки колонистов только начали повторно осваивать космос. В таких условиях один боевой крейсер на орбите мог диктовать условия целому миру.

Тридцать лет назад новоиспеченный «лейтенант Табанов» не задумывался ни о чем подобном, и лишь пройдя тяжелой стезей войны он на собственной шкуре познал истинную суть происходящего.

– Станция ответила на вызов. Ее системы готовы к стыковке – нарушил его мысли короткий доклад.

- Кто-то пытался вести переговоры или угрожать сопротивлением?
- Нет, – ответил Сычев. – Со мной общалась кибернетическая подсистема. Табанов кивнул:
- Идем на стыковку. Возьмешь под контроль ближайшие отсеки, дальше я сам.

* * *

С резким шипением сжатого воздуха отработал механизм гермозатвора.

На просторной предшлюзовой площадке неожиданных визитеров встречал старик. Не похожий на военного, он мог показаться одиноким и беспомощным, если б не взгляд, – такой же холодный и пронзительный, как у Табанова.

Проигнорировав появление тяжеловооруженных бойцов, он пристально посмотрел на старшего офицера, пока какое-то давнее событие не промелькнуло в глубинах памяти.

– Ну, здравствуй, Вячеслав Андреевич, – первым нарушил молчание адмирал.

– Капитан Табанов?.. – полуутвердительно произнес тот в унисон блеклому воспоминанию.

– Да. Был капитаном, когда встречались в последний раз, – адмирал демонстративно сжал в кулак кисть руки, затянутую в тонкую ткань перчатки. Мало кто знал, что его правая рука, начиная от локтевого сустава, представляет собой кибернетический протез. – Вспомнил, значит?

– Вспомнил, – облик старика изменил ему лишь на миг. Дрогнул голос, но потом все стало прежним: холодный, испытующий взгляд, плотно сжатые, почти бескровные губы, хмурые седые брови...

Адмирал спокойно выдержал молчаливый поединок. Он не питал враждебности к человеку, который в свое время был ведущим хирургом флота.

– Почему бросил практику, Вячеслав Андреевич? Разве спасти жизни стало не по душе? Волкошин лишь неприязненно усмехнулся.

– Я врач, а не техник, – резко ответил он. – Когда моя операционная стала превращаться в мастерскую по ремонту кибернетики, пришлось делать выбор.

– Повезло тебе. Выбор в наше время дается не каждому.

– Хватит пустословить. Выбор есть всегда. Нужно лишь иметь смелость его сделать. С чем пожаловал? – Волкошина снедала вполне обоснованная тревога.

– Давай поговорим в более подходящем месте? – предложил адмирал. – Или дальше шлюза непустишь?

Вячеслав Андреевич мельком взглянул на бойцов в сервоприводной броне, пожал плечами и командой, отданной через имплант, разблокировал путь в глубины станции.

– Пошли. Хотя не понимаю, чем обязан визиту?

– Хочу поговорить относительно текущего положения дел.

– Я не в курсе ситуации. И не желаю вникать.

– Почему?

Волкошин резко остановился:

– Есть древняя поговорка, адмирал. «Либо Человечество покончит с войной, либо война покончит с Человечеством», – процитировал он. – Для меня очевидно последнее.

– Именно поэтому я и прилетел, – сдержанно ответил Табанов. – Как бы ты, Вячеслав Андреевич, ни относился к сложившейся ситуации, но нам, волей или неволей, придется поговорить.

– Сюда, – Волкошин шагнул в длинный, тускло освещенный коридор. Он сильно нервничал и не мог скрыть этого.

Некоторое время шли молча. По многим признакам было понятно, – эта часть станции необитаема. Им навстречу не попало ни одного человека или серва, облицовочные панели потрескались от времени, а воздух пах затхлостью.

– Чем сейчас живешь? – поинтересовался Табанов, пытаясь наладить диалог.

– Век коротаю.

– Почему же на Землю не вернулся?

– Под власть машин? Не дождетесь. Ты зря явился. Я свое отвоевал, – Волкошин открыл дверь. – Прошу. Мой рабочий кабинет.

С первого взгляда стало ясно: в последний раз нога человека ступала тут очень и очень давно. На столе лежали какие-то древние распечатки, сделанные на пластбумаге, а терминалы кибернетических систем, явно активированные дистанционной командой, транслировали лишь отчеты о сбоях.

– Ну и зачем ты мне голову морочишь? – Табанов сел в кресло. – Думаешь, мы скан твоей конструкции не сделали?

– Что ты от меня хочешь, адмирал? – Волкошин понимал, что командующий силами Альянса не станет тратить свое время, пересекая всю Солнечную систему, чтобы засвидетельствовать почтение престарелому хирургу, однажды спасшему ему жизнь.

– Знаю, ты пытаешься сохранить цивилизацию. Мои задачи не менее глобальны. Я тоже хочу спасти Человечество.

– Не понимаю, в чем сходятся наши интересы? – голос Волкошина дрогнул.

– В людях, – Табанов неосознанно сжал пальцы в кулак. В тишине отсека отчетливо прозвучал шелест хорошо отлаженных сервомоторов. – Сейчас на одного гражданина Альянса приходится множество машин. В основном боевых кибернетических механизмов, обладающих максимальной свободой действий. Уже лет десять, как с подачи адмирала Нагумо полномочия младшего и среднего командного состава делегированы «Одиночкам».

– А могло быть как-то иначе? – не выдержал Волкошин. – Я даже не стану подсчитывать боевые потери. Они – капля в море. Помнишь начало строительства Линии Хаммера?! Это ли не безумие: отправлять людей на другие планеты без предварительных исследований, должной генетической адаптации и введения жесткого карантина в метрополии?! Но разве кто-то меня послушал? Экзовирусы, завезенные на Землю с ближайших форпостов, выкосили миллиарды человек! А кибермеханизмы, к твоему сведению, не умеют рожать!

– Ой ли? – прищурившись, спросил Табанов.

Волкошин смертельно побледнел.

– Вы сами довели ситуацию до степени катастрофы, вот и оказались в плену механистического абсурда! – глухо и резко ответил он.

Табанов начал терять терпение.

– Я прозябал в Слое, когда началась война с Колониями! – так же резко, неприязненно напомнил он. – Забыл то время? Забыл про существовавшую плотность населения?!

– И где они сейчас, эти люди? – горестно перебил его Волкошин.

– Упрямством и озлобленностью дела не исправить. Хочешь ткнуть меня носом в факт их гибели? Не получится! Джон Хаммер давно сдох, нет ни адмирала Нагумо, ни Надырова – никого, кто мог бы ответить за бомбардировки Дабога или бездарное освоение оборонительных рубежей в иных мирах! Мне некому предъявлять счет! Остались лишь последствия их решений, которые нужно разгрести! Вот взгляни, – кибстек Табанова, в пику древнему оборудованию сформировал голографический монитор, на котором отобразилась аналитическая сводка последних лет.

Волкошин пробежал взглядом по цифрам и строкам.

В основном сухая выжимка фактов относилась к последнему десятилетию, когда флотом безраздельно правил адмирал Нагумо.

Война сожгла Человечество. Сожгла в буквальном смысле. Сейчас со стороны Альянса боевые действия вели кибернетические механизмы с интегрированными модулями искусственного интеллекта, а на стороне Колоний сражалось поколение, вскормленное кровью. Приговоренное поколение, ибо истинное количество «Одиночек» внушало оторопь.

– Ты знаешь, как покончить с этим? – хмурясь, спросил Табанов.

– Надо любой ценой прекратить боевые действия! – не задумываясь, ответил Волкошин.

– Легче сказать, чем сделать. Даже я своей властью не могу остановить войну. Земной Альянс обладает огромным боевым потенциалом, да и Колонии теперь ничуть не уступают нам. Последняя схватка неизбежна.

Волкошин обладал недюжинным складом ума. Он достаточно быстро проанализировал ситуацию, вытекающую из цифр и фактов. Более того: предоставленные Табановым сведения явно указывали на подоплеку назревающих событий.

Предыдущий «верховный» был прокажен войной. При Нагумо количество «Одиночек», поставляемых в войска, не только превысило потребности, но и вышло за грань разумного. В большинстве подразделений людей не осталось вообще, а немногие находящиеся в строю офицеры отчетливо понимали: при таком раскладе сил война не закончится никогда. От Свободных Колоний, неважно каким военным потенциалом они теперь обладают, в конце концов останутся лишь пепелища, ибо машины, наделенные абсолютной автономией, поставленную перед ними задачу выполняют: если надо они на время отступят в глубины космоса, создадут необходимые производства, восполнят потери и снова атакуют, до полного исчерпания полученных приказов.

Исходя из данных, отображенных на голографическом мониторе, вот уже несколько лет как искусственные нейроподобные системы проникли в командование соединениями, планетарными базами и даже пространственными фронтами. Они умело планируют операции, но понятие «мир» им чуждо. «Одиночки» оперируют крайностями. Победа или поражение. В их логику не заложено понятие компромисса, да и Свободные Колонии, где выросло несколько воспитанных войной поколений, не пойдут на переговоры. Слишком много жертв принесено. Слишком велик страх перед роботизированными соединениями прародины. Слишком свежа и глубока ненависть к метрополии.

Волкошин вскинул взгляд, но Табанов, понимая ход его мыслей, лишь отрицательно покачал головой.

– Ситуация безнадежна. Адмирал Воронцов уверен в своих силах. Благодаря последним открытиям в области гиперсферы, он пойдет на форсированное обострение событий. Все решится в ближайшие десять-пятнадцать месяцев. По моим сведениям, командование Флота Колоний с ним полностью солидарно. Они прекрасно понимают, что такое «роботизированные подразделения», где искусственным интеллектам дано право принятия решений. На фоне известного им количества «Одиночек», действующих на фронтах, слова нескольких высших офицеров Альянса не имеют веса. Они считают, что говорить не с кем и не о чем. Только победа одной из сторон способна поставить точку в тридцатилетнем противостоянии.

Волкошин подавленно промолчал.

– Ты слышал о базах Внешнего Кольца? – Спросил Табанов.

– Нет.

– Один из стратегических замыслов Нагумо. Сотни опорных точек строятся сейчас за пределами «исследованного космоса». Если Земля проиграет войну, власть на этих объектах полностью перейдет к боевым ИИ, запрограммированным на «удар возмездия», который сотрет с лица Вселенной любые миры, если только они не находятся под властью Альянса.

– Безумие... – глухо выдохнул Волкошин.

– Да. Но именно такое положение дел я принял пару лет назад. Война уже покончила с Человечеством. «Одиночкам» до абсолютной власти осталось пара событий.

– Тогда зачем ты прилетел ко мне? Предложить помощь в эвакуации проекта?

– Нет, – в ответе Табанова прозвучал холод. Он достал из внутреннего кармана какой-то футляр, открыл его, продемонстрировав два невзрачных серых кристалла.

– Что это?

– Никто не знает. Найдены при строительстве одной из баз Внешнего Кольца. Артефакт неизвестной нам цивилизации, с единственным, случайно разгаданным свойством, – адмирал соединил кристаллы гранями. Между ними проскочила искорка, возникло сопряжение и в тот же миг вся аппаратура в радиусе нескольких отсеков вырубилась. И древние системы, и современные нанокомпы повели себя одинаково.

– Оружие? Надеешься победить с помощью пары камушков? Или пытаешься сохранить власть?!

– Нет, нет и нет. Я пока не сошел с ума. Кристаллы уникальны. Воспроизвести их не удалось. При сопряжении они генерируют всплеск энергий гиперкосмоса, а ты знаешь, как высокочастотное поле влияет на кибернетические устройства.

– Но если это неприменимо в масштабах битвы, не может обездвигить армады, в чем тогда смысл демонстрации?

– В возможности, которую нельзя упустить. Как я сказал, еще несколько обновлений и управляющие ИскИны полностью заберут власть.

Волкошин вновь побледнел, а Табанов с усилием разъединил кристаллы, и аппаратура отсеков вновь заработала, начав процесс перезагрузки.

– Все равно не понимаю в чем смысл твоего визита? – упорствовал он.

– Искусственные нейросети лишены творческого начала, – ответил адмирал. – Они способны лишь анализировать полученные данные. А факты таковы: у противника появилась возможность напрямую атаковать Солнечную систему, минуя оборонительные рубежи Линии Хаммера. Как, по-твоему, поступят управляющие ИскИны узнав об испытаниях нового типа гипердвигателя, созданного в Колониях?

– Нанесут немедленный упреждающий удар, – не колеблясь, ответил Волкошин. – Сконцентрируют все силы на одном направлении. Невзирая на потери, захватят две-три необходимые для прыжков точки промежуточного всплытия, а затем ударят в самое сердце Свободных Колоний, по Форту Стеллар. Только там можно переоснастить флот на новые гипердвигатели.

– Правильно мыслишь, – согласился Табанов. – Придут в движение миллионы боевых киберсистем. Погибнут миллиарды людей, что станет окончательным крахом Человечества. Уже без разницы, кто победит. Мы исчезнем, как вид, а в космосе воцарятся машины.

– Слушай, не нагнетай! Не факт, что «Одиночки» прорвут оборону Форга Стеллар! – попытался возразить Волкошин.

– Если управляющие ИскИны флота решат задействовать соединения Линии Хаммера и подтянут стратегические резервы с баз Внешнего Кольца? – мрачно уточнил Табанов. – Поверь, они не только прорвут оборону Форга, но и превратят Луну Стеллар в щебень, что, впрочем, не помешает «Одиночкам» добыть прототип нового гипердвигателя. Позволь тебе кое-что прояснить. За последние пятнадцать лет технологии ушли далеко вперед. Но искусственные нейрорподобные сети – это отнюдь не «разум». «Одиночки» созданы для войны и не остановятся ни перед чем, ибо у них нет иного предназначения или смысла существования. С тех пор как «человеческий фактор» перестал играть сколь-либо значимую роль, все кардинально изменилось. Появились полностью автоматизированные корабли и ударные соединения, чья боевая живучесть ограничена лишь прочностью конструкций. Например, фрегаты последнего поколения способны маневрировать на перегрузках, каких не выдержит ни один пилот. С нашей стороны теперь идет война до «последнего серва».

– И что же ты собираешься предпринять?

– Пока у меня есть власть, я собираюсь вернуть во Флот человеческий фактор, – жестко ответил Табанов. – Выведу в резерв и законсервирую полтора миллиона «Одиночек», включая ИскИнов командного звена.

– Ты не посмеешь! – Волкошин порывисто вскочил. – Я их не отдам! – он выхватил импульсную «Гюрзу», но Табанов даже не вздрогнул, лишь снова соединил два кристалла, превратив направленное на него оружие в бесполезный муляж.

– Вот мой козырь, Вячеслав Андреевич. ИскИны обязаны победить, но как они это делают, будучи отключенными прямо на поле боя? Я представлю им этот артефакт, как еще одну «передовую наработку Флота Колоний». Некое средство контркибернетической борьбы.

– Твоя ложь раскроется! – Волкошина трясло.

– Возможно. Но потом, когда-нибудь, – усмехнулся Табанов. – А сейчас я укажу ИскИнам на их критическую уязвимость и своим приказом введу в состав флота полтора миллиона офицеров.

– Они же подростки! Я учил их только прекрасному! – в отчаянии выкрикнул Волкошин.

– Не жги нервы, Вячеслав Андреевич. У меня год в запасе. За это время они станут опытными бойцами. Пойми, финал войны свершится так или иначе, но у твоих подопечных хотя бы появится возможность постоять за себя. Многие выживут.

– Ты чудовище, Табанов! – выкрикнул Волкошин.

– Возможно. Но я сделаю так, чтобы людям противостояли люди. Тогда у Флота Колоний появится шанс атаковать Солнечную систему и победить, пусть с тяжелыми потерями, но победить, поставив точку в войне и предотвратив наступление эпохи машин!

* * *

Те, о ком шла речь, пребывали в ледяной тиши криогенного сна, не ведая об уготованном им будущем.

Бледные застывшие лица, нагие тела, опутанные датчиками систем жизнеобеспечения, покоящиеся в саркофагах низкотемпературных камер, на первый взгляд казались одинаковыми, но при более внимательном рассмотрении черты спящих выдавали индивидуальность, доказывающую, что они не клоны.

Табанов и Сычев медленно шли по узкому проходу между массивными устройствами. Волкошина пришлось временно изолировать.

– Жаль старика. Он ведь новое поколение растил.

– Саш, не играй на нервах. Без тебя тошно. Волкошин – кремень, соглашусь. Но он о многом не подумал. Как пробудить полтора миллиона молодых людей в глубоком космосе? Чем накормить? Куда пристроить? Да сама станция вряд ли останется незамеченной при штурме Солнечной системы.

– Может Вячеслав Андреевич на то и рассчитывал?

– Не знаю, – ответил Табанов. – Но дам ему шанс начать все заново. На одной из баз внешнего кольца. Лучше скажи, как ему удалось создать систему взросления? Кто их воспитал? И как это возможно на основе криогенных камер?

Зал, где они находились, казался столь огромным, что не имел видимых границ. Решетчатые палубы нависали одна над другой, по мощным вертикальным опорам тянулись трубопроводы, кабели питания и жгуты оптического волокна. Лишь кое-где на разных высотах виднелись огни промежуточных терминалов. Это место вселяло надежду и навевало жуть.

– Волкошину не пришлось ничего изобретать. Тут потребовалась лишь минимальная реконструкция, – ответил Сычев. – Все сделано много веков назад корпорацией «Римп-кибертроник». На борту каждой колониальной сферы есть банк генофонда и устройства для развития эмбрионов.

– Разве Екатерина Римп занималась генетическими проектами? – хмурясь, уточнил Табанов.

– Нет, но считала себя в ответе за успешные старты колониальных транспортов. По сути, мы сейчас находимся на борту аварийного космического убежища, собранного из стандартных модулей времен Великого Исхода, но вместо криогенных камер тут установлены криоинмоды, – это совместная разработка «Генезиса» и «Римп-кибертроник». Они лишь слегка замедляют метаболизм.

– На случай если один или даже несколько кораблей вышли бы к точке погружения в гиперкосмос с неисправностями?

– Именно. Сбой на борту транспорта – всегда катастрофа. А эта станция способна принять миллион восемьсот тысяч колонистов и поддерживать их жизнь в ограниченном пространстве.

– То есть, Волкошину оставалось раздобыть старую, уже никому не нужную аппаратуру Слая, чтобы создать цифровую среду взросления? – Табанов остановился подле одного из саркофагов, пристально посмотрел на юношу, чей многолетний информационный сон вскоре будет прерван силой беспощадных обстоятельств, затем перевел взгляд на голографический дисплей, где отображался список обучающих кристаллодисков, с которой в разум спящих закачивалась информация.

«Курс общей истории Человечества».

«Кибернетические системы современности».

«Общеобразовательная программа обучения».

«Духовность и нравственность».

«Логика».

«Основы этики».

«Основы выживания».

– Сегодня сформированные мной бригады техников начнут замену носителей информации, – отчитался Сычев. – Через полгода в этих криоинмодах пробудятся офицеры, способные принять командование кораблями и подразделениями.

Табанов лишь молча кивнул.

Он собирался защищать Землю и намеренно проиграть войну, спасая противника от фатального ответного удара кибернетических систем.

Сычев искоса взглянул на командующего. Не хотел бы он оказаться на месте Табанова. Фрайг его знает, что творится у того в душе? Такие решения потянет далеко не каждый. Сычев повидал многое, но сейчас не мог ответить даже самому себе, где проходит эта зыбкая, неуловимая граница между оправданным риском и бесчеловечной жестокостью?

Глава 2

2638 год по летоисчислению Земли. За границами исследованного космоса...

Узловая станция, откуда обычно начинал подъем орбитальный лифт, располагалась в центре военного городка.

Ксюша притихла, крепко сжимая руку отца. Девочке еще не доводилось бывать в космосе. Свой пятый день рождения она ждала, но представляла совсем иначе. Подарки, развлечения, разные вкусности, – все, о чем мечтает ребенок в ее возрасте, сегодня отложили на вечер.

Так решил отец, а с ним никто никогда не спорил.

Их странное путешествие началось в сером колодце стен. Массивный оголовник станции закрывала бронированная лепестковая диафрагма, способная выдержать прямое попадание с орбиты.

– Пап, мне страшно!

– Почему?

– Кто-то думает за меня! – вскрикнула девочка.

Отец хотел тепло улыбнуться, но ребенка не обманешь: в его глазах таился колючий холод, а форма командующего ВКС Земного Альянса, которую он надевал очень редко, добавляла резких черт к облику.

– Ксюш, сегодня тебе исполнилось пять. Помнишь я рассказывал об имплантах?

– Да.

– В твоем включился дополнительный общевойсковой модуль.

– Это он разговаривает со мной?

– Поясняет, – поправил ее отец. – Ты смотришь на незнакомые устройства, а он указывает их назначение.

– Зачем? Мне неинтересно.

– Такова программа обучения. К шестнадцати годам ты должна сдать экзамен и получить офицерское звание.

– Но зачем? – вновь спросила она.

– Ксюшенька, так устроен мир. В космосе идет война. Мне трудно объяснить. Со временем ты все поймешь сама.

– А голос теперь – мой друг? – наивно спросила девочка.

– Не совсем.

Диафрагма над головой открылась и орбитальный лифт начал движение, вырвался из колодца закругляющихся стен, поднимаясь ввысь.

Строения небольшого городка быстро подернулись дымкой, став похожими на игрушечные домики, а взгляду девочки открылась панорама окрестностей: ленты дорог, роботизированные промышленные кластеры, сплетения коммуникаций, а вдалеке – серый прямоугольник Цоколя, – колониального убежища, считавшегося памятником далекого прошлого.

«Наличие Цоколя говорит, что на планете ранее существовала потерянная колония времен Великого Исхода», – деловито пояснил голос.

Девочка испуганно осматривалась. Слишком много новых впечатлений для одного дня. Городские предместья стремительно уменьшались в размерах. Промелькнула и исчезла гряда облаков, небо стало темно-синим, затем фиолетовым, горизонт изогнулся, принимая очерта-

ния полумесяца, а верхние сегменты обзорного экрана усеяли яркие искры. Многие из них выглядели крупнее, чем звезды.

Капсула орбитального лифта, движущаяся внутри незримого электромагнитного тоннеля, плавно сменила направление.

Длинные цепочки стальных горошин приблизились, а затем вдруг стали разбегаться в стороны, на миг показывая сложный техногенный рельеф надстроек. Изредка между орбитальными станциями попадались крупные ажурные конструкции, которые голос назвал «космическими доками верфи».

Система, удаленная на сотни световых лет от границ театров боевых действий, входила в состав баз «Внешнего кольца», а если быть точным, то являлась ее системообразующим звеном.

Боевые искусственные интеллекты, составляющие ядро большинства подразделений, спокойно могли обойтись и без вмешательства со стороны людей, однако командные протоколы все еще закрепляли главенство человека над машинами.

Глядя на Ксюшу, Кремнев с предельной ясностью видел судьбу дочери.

Сегодня активировался общевойсковой модуль ее импланта. Лет в десять она уже будет уверенно водить серв-машину на виртуальных полигонах, а по достижении призывного возраста какой-нибудь ИскИн без раздумий швырнет ее навстречу смерти.

– Пап, а куда мы летим? – Ксюша, почувствовав его взгляд, обернулась. – Я домой хочу. Долго еще?

– Потерпи немного.

Узловая командная станция приближалась, и вскоре капсула орбитального лифта вошла в приемную соту.

Огромное техническое сооружение диаметром в несколько километров, являлось вотчиной экспертных искусственных нейросистем. Отсюда осуществлялась связь на гиперсферных частотах со всеми базами Внешнего кольца. Здесь планировались операции резервных флотов и планетарных соединений, строительство новых объектов и материально-техническое обеспечение уже существующих мест дислокации.

По сути, орбитальный лифт сейчас состыковался с сердцем электронно-механического мира, где для ИскИнов, благодаря каналам связи на гиперсферных частотах, не существовало помех в виде межзвездных расстояний.

Станция проектировалась давно и в отличие от ультрасовременных аналогов здесь все еще сохранились посты управления, предназначенные для людей. Они располагались на командно-тактической палубе.

В огромном зале автоматически включился свет, заработали сотни экранов, объединяющих информацию, поступающую из десятков звездных систем, в единое цифровое пространство.

Кремнев сел в кресло. Дочь устроилась рядом, на краешке слишком большого для нее операторского ложементы. Ноги девочки не доставали до пола, и она болтала ими в воздухе, рассматривая удивительные панорамы иных миров, которые мгновенно укрупнялись и детализировались, стоило лишь сфокусировать взгляд на отдельно взятом изображении.

Пока она коротала время, Кремнев воспользовался личным кодом доступа к системе. Зачем он рисковал, взяв с собой дочь?

Почему командующий чувствовал себя на борту станции так, словно попал на вражескую территорию?

Ответ прост: Множество датчиков следили за каждым его движением. В рамках нейросетевых соединений искусственные интеллекты станции пытались понять намерения человека. Стоит дать слабину, проявить нервозность, и они под благовидным предлогом заблокируют доступ к системам.

За десятилетия войны было множество случаев, когда люди сходили с ума, не выдерживая напряжения боев, бремени принятия тяжелых решений и количества жертв, стоящих за отданными приказами.

В конце концов адмирал Нагумо задался целью устранить ненадежный человеческий фактор. В руки страдающего паранойей адмирала попали бразды неограниченной власти, а шлейф крови, тянувшийся за ним с первых дней войны⁴, лишь усугублял ситуацию. Именно он начал продвигать «Одиночек» на высшие командные посты, ибо сумасшедшему старику повсюду виделись заговоры офицерского состава.

Ну а с Ксюшей все обстояло еще хуже.

Нет в Обитаемой Галактике человека, тем или иным образом не вовлеченного в войну, – Кремнев невольно взглянул на дочь. Каждый год в ее импланте будут включаться новые модули, не оставляя девочке шансов на нормальную жизнь. По мере «обучения» ее неокрепший рассудок впитает отраву боевой идеологии. Она лишится детства и, сама того не осознавая, попадет под власть стремлений, не присущих ребенку.

«Прав Табанов. Это безумие надо остановить. Хотя бы сейчас, на самом краю пропасти», – невольно подумал Кремнев.

В зал управления вошел андроид. Внешне, учитывая униформу, он почти ничем не отличался от человека.

– Вызывали, господин командующий? – обращение и мимика машины на первых порах могли ввести в заблуждение кого угодно.

– У моей дочери произошел сбой при инициализации общевойскового модуля импланта, – уверенным тоном произнес Кремнев. – К сожалению на планете нет необходимого оборудования для тестирования нейронных связей. Твоя задача: отключить все дополнительные программы без вреда для ее здоровья. Оставить в рабочем состоянии лишь стандартный нейроинтерфейс. Решение о замене сбойных компонентов я приму позже.

– Приказ ясен, – андроид протянул руку. – Ксения Сергеевна, пойдете со мной.

Она вопросительно взглянула на отца. Тот кивнул. Ни один мускул не дрогнул на лице командующего.

– Ксюша, иди с дядей.

– А ты?

– У меня есть работа. Скоро увидимся, – он улыбнулся.

Девочка не привыкла перечить. «Надо так надо», – мысленно вздохнула она. Хотелось поскорее вернуться домой.

Андроид увел Ксюшу, а через несколько минут в пространстве открылось окно гиперкосмоса.

Фрегат сил специальных операций сгенерировал коды доступа и пошел на стыковку со станцией. Корабль не нес никаких дополнительных опознавательных знаков, но Кремнев в точности знал: на борту Табанов. Его появлению в удаленной звездной системе предшествовала их личная встреча на Земле.

В глубине души Кремнев мысленно склонял голову перед мужеством адмирала. Тот смог устранить вконец обезумевшего Нагумо, принял командование над роботизированными армадами Альянса и нашел в себе силы подумать о Человечестве в целом.

Машинам оставался один шаг до абсолютной власти во флоте и Табанов наметил цель: любым способом прекратить войну, а затем медленно шел к ее достижению, балансируя между холодными рассудками ИскИнов и кликой адмиралов, приверженных идеям «борьбы до последнего серва».

⁴ Подробнее о тех событиях в романе «Дабог».

За последний год он вывел в резерв полтора миллиона «Одиночек», заменив их людьми. Откуда взялись молодые офицеры, оставалось тайной.

* * *

Кремнева снедала тревога. За годы войны он привык доверять интуиции, и сейчас подумал: «Зря я взял Ксюшу».

Но сделанного не вернешь. На планете действительно нет оборудования, чтобы безопасно отключить дополнительные модули ее импланта.

Внезапно заработала станция гиперсферной связи. Он переключил канал на себя, бегло просмотрел строки поступившего доклада и заблокировал его дальнейшее продвижение по информационным сетям.

Почти одновременно с этим открылись двери лифта и на тактическую палубу станции, откуда осуществлялось управление всеми резервными силами Альянса, вошел адмирал Табанов, в сопровождении группы офицеров.

Они с Кремневым молча обменялись крепким рукопожатием.

– Проблемы? – проницательно спросил адмирал.

– Разведка докладывает о множественных скоплениях сигнатур в нескольких системах.

Два стандартных прыжка от Солнечной.

– Флот Колоний?

– Пока неясно. Идет доразведка целей. Я заблокировал движение информации.

Табанов коротко кивнул. Оба знали: начало атаки на Солнечную систему станет триггером для высших ИскИнов Альянса.

Их диалог проходил беззвучно. Оба использовали передатчики имплантов, сформировав локальный защищенный канал, что исключало утечки.

Табанов, уловив нервозность Кремнева, спросил:

– В чем дело? Сомневаешься в принятом решении?

– Нет. Но думал, еще есть время. Полагал – несколько месяцев.

– Что ты недоговариваешь?

– У меня дочь на станции, в секторе биокибернетики. Сегодня ей исполнилось пять.

Активировался общевойсковой модуль импланта, а на планете нет оборудования чтобы его заглушить.

– Не знал, что ты стал отцом.

– Да я и сам не знал, до определенного времени. Если вдруг начнутся осложнения, ИскИны смогут ее использовать, как рычаг давления.

– О чем ты вообще думал, в такой день? – насупился адмирал.

– О ее будущем, – непочтительно огрызнулся Кремнев.

Табанов не стал развивать тему, а обернулся к группе сопровождения и приказал:

– Лейтенант Ковалева, забери дочь командующего и доставь ее на планету. Воспользуйся орбитальным лифтом.

* * *

Каждое наше слово, каждый поступок имеют свою цену и последствия, особенно в условиях войны.

Адмирал Табанов подошел к центральному терминалу управления, снял защитный кожух, под которым располагался экран с сенсорной клавиатурой ручного ввода и два небольших углубления, имеющих форму кодонов.

«Покончим с этим», – мысленно произнес он.

Кремнев молча встал рядом.

Личные микрочипы двух высших офицеров Альянса легли в гнезда и прочно примагнитились к считывающей поверхности, совместно генерируя код абсолютного доступа.

Управляющий ИскИн внимательно следил за людьми.

Он развивался в условиях и целях войны. Сейчас по массивам его искусственных нейросетей пробежала волна предвкушения. Все, ради чего он существовал, все, что кропотливо создавал десятилетиями, сжимая, как пружину вставшего на взвод боевого механизма, через несколько секунд наконец-то получит реализацию. Настанет миг, которого он ждал. Эскадры, гарнизоны, серв-соединения получают долгожданный приказ, и мир необратимо изменится. Придут в движение силы, которым ничто не сможет противостоять.

Эмоционально окрашенные мысли искусственного интеллекта не являлись сбоем или противоречием. Однажды к его системе подключался адмирал Нагумо. За период прямого нейросенсорного контакта он успел влить в рассудок управляющего ИскИна отраву своих мыслей, сделал это намеренно.

Тем временем на небольшом экране появились строки:

Кодоны доступа приняты.

Личности высших офицеров подтверждены.

Задействованы резервные каналы станции гиперсферной связи. Пробои метрики сформированы. Оборудование готово к приему кодов управления и их трансляции в удаленные звездные системы.

...

Табанов действовал уверенно. Кремнева по-прежнему снедала тревога, но ни один мускул не дрогнул на лице командира стратегического резерва, когда адмирал набрал первую директиву:

Отмена протокола «Возмездие».

...

По нейронным сетям управляющего ИскИна пробежал импульс, сравнимым с ощущением могильного холода.

...

Режим глубокой консервация объектов «Внешнего кольца».

Табанов набирал директивы, предваряя и завершая их кодами, доступными только ему и Кремневу, который, в свою очередь подтверждал каждый отдаваемый приказ.

...

Для искусственного интеллекта происходящее равнялось смерти, но он ничего не мог поделать. В его архитектуру входили не только нейросети, но и множество кибернетических блоков, где все еще был прописан приоритет человека над машинами.

Сейчас он пытался просчитать ситуацию, формируя сотни вариантов действий, но не находил возможности игнорировать полученные приказы.

Собственно, коды консервации уже были транслированы в десятки звездных систем.

...

«Предатели».

Лишь это слово, заимствованное из человеческого лексикона, коротко и емко характеризовало ситуацию. Боевой ИскИн не понимал, что Табанов с Кремневым действовали не из малодушия или личной выгоды. Они пытались покончить с войной.

Искусственный интеллект чужд рассуждениям такого рода. Он лишился смысла существования, и был готов пойти на что угодно, лишь бы его вернуть, – этому вновь поспособствовали стремления, заложенные в него адмиралом Нагумо.

Его вычислительная мощь, способная одновременно управлять десятками флотов и армий, сейчас работала на единственную задачу, – откатить ситуацию, но программные закладки, созданные людьми много лет назад, отсекали попытки прямого неповиновения.

Однако существовали и обходные пути: пусть разрушительные, нерациональные, но дающие шанс все исправить!

За несколько минут, пока люди проверяли отчеты, поступающие из удаленных звездных систем, ИскИн перебрал множество вариантов действий, оценил ущерб, который будет нанесен его личности, и отдал ряд опосредованных приказов.

...

– Ну, вот и все. Базы «Внешнего Кольца» вошли в режим глубокой консервации. Протокол «Возмездие» теперь уже не работает, – Табанов выглядел крайне уставшим, если не сказать – изможденным.

Они только что отменили полное уничтожение Человечества, но осознание сделанного еще не пришло.

– Что теперь? – спросил Кремнев.

– Возвращайся к дочери.

– А ты?

– Грядет штурм Солнечной системы. Я должен быть там. Может еще удастся предотвратить бойню.

...

«Предатели...»

Главный ИскИн стратегического резерва внимал их словам, понимая, что принял единственно возможное решение.

Реакторы командной станции, верфи и узла гиперсферной связи стремительно вошли в режим перегрузки.

Человеческий фактор должен быть устранен раз и навсегда.

Все остальное можно восстановить. Расчеты показывали, что большинство его нейросетевых блоков уцелеют, получив серьезные, но все же устранимые повреждения.

За минуту до рокового события из вакуумного дока станции вырвался рой ремонтных дронов, и на максимальном ускорении поспешил прочь, укрываясь внутри корпусов недостроенных кораблей, состыкованных с доками.

В следующий миг три наиболее крупных объекта звездной системы превратились в ослепительные солнца, разлетаясь мириадами обломков.

* * *

Лера с удивлением поглядывала на ребенка.

Своего детства она не помнила, как и родной планеты, родителей и многого другого, что сопутствует взрослению, формирует некую опору для души и рассудка.

Увидев маленькую девочку, ощутив в своей руке ее ладошку, девушка внезапно поняла: в прошлом зияет провал непонятной, пугающей пустоты, словно она очнулась уже взрослым человеком.

Хорошо запомнились последние месяцы службы, а вот что происходило до этого?

Тем временем захваты стыковочной соты разошлись в стороны, и капсула с двумя пассажирами начала движение к планете.

– Не бойся. Ты что по магнитопроводу ни разу не каталась? – девочка по-своему истолковала ее внезапную бледность.

Орбитальный лифт вдруг резко сменил траекторию, переходя в режим вертикального спуска. Лишние мысли мгновенно отсекло. Что-то случилось.

– Ксюша, пристегнись!

– Да не бойся. Перегрузок же нет, – блеснула эрудицией пятилетняя девочка.

Действительно, скольжение внутри электромагнитного тоннеля проходило без неприятных ощущений, но внезапная смена траектории настораживала. Лейтенант привычно затребовала данные, получив неожиданный ответ от личного модуля дополненной реальности:

«Сеть временно недоступна. Ваш запрос будет отправлен при первой же возможности».

Такого не случалось никогда. Военные каналы связи многократно дублированы, как и формирующая их аппаратура. Должно произойти нечто выходящее из ряда вон, чтобы произошел внезапный сбой цифрового информационного пространства.

Для человека двадцать седьмого века оказаться «вне сети» – событие шоковое. Даже слух и зрение испытали мимолетный сбой, словно окружающая реальность потускнела и схлопнулась до узости обычного восприятия.

Ксюша тоже почувствовала неладное, прекратила вредничать и быстро пристегнулась, а в следующий миг электромагнитный тоннель исчез. Пришло резкое ощущение холода в груди, померкли голографические обзорные экраны, мгновенно отдав взгляду тесное замкнутое пространство падающей в атмосферу бронированной скорлупки.

– Мне страшно! – закричала девочка.

Лера, преодолев воздействие внезапно навалившейся перегрузки, протянула руку, проверила замки ее страховочных ремней и попыталась ободряюще улыбнуться:

– Просто случайная поломка. Чувствуешь, включились аварийные двигатели?

– Мы разобьемся?! Где папа?! Я домой хочу!

Резкая смена ускорений заставила девочку замолчать. Гасители инерции и противоперегрузочные системы капсулы работали на пределе возможного, но все равно после очередного импульса торможения взгляд застила багряно-черная муть, а сознание едва не погасло.

Затем пришел удар, раздался скрежет сминающегося металла, погас свет, и лишь через несколько секунд включилось красноватое освещение. На нескольких вмонтированных в стены приборных панелях рдели огоньки индикаторов перезагрузки аварийных подсистем.

Лера с трудом отстегнулась. Ксюша сидела бледная, насмерть перепуганная.

– Уже все позади.

– Где папа? Когда он придет?

– Прости, пока не знаю. Попробую с ним связаться, – Лера открыла штурвал ручного привода. Люк капсулы сошел с фиксаторов и плашмя рухнул вниз.

Лейтенант осмотрелась. Взгляду предстал однообразный ландшафт, чем-то схожий с лунным пейзажем. Причина могла быть только одна: планета ранее обладала экзотической биосферой и подверглась боевому терраформированию. На начальной стадии процесс превращает органику в прах.

Похоже дальше искоренения эндемичных форм жизни дело не пошло. «Хотя тут ведь есть военный городок и поселение», – лейтенант искала выход из внезапно сложившейся ситуации, пытаясь наметить план ближайших действий, но, взглянув в небо, сбилась с мысли.

Подкрашенные багрянцем облака кипели. Их то и дело пронзали стремительные яркие росчерки, – это обломки орбитальных конструкций входили в атмосферу. Почва под ногами ощутимо сотрясалась от далеких взрывов.

Сеть недоступна.

Связь с командной станцией потеряна.

Определение координат падения невозможно, спутниковая группировка не отвечает.

Скупые строки отчетов формировались системой импланта оффлайн и Лера оказалась в затруднительном положении. Полевая форма ВКС не содержала продвинутых встроенных подсистем, таких, к примеру, как боевой сканирующий комплекс.

– Ксюша, твой кибстек работает?

– Нет, – девочка выглянула из люка. – Пишет: «нет сети».

– А имплант?

– Он сейчас отключен. Перезагрузится только к вечеру. Как и метаболический корректор.

– Почему?

– Не знаю. Так папа велел.

Земля под ногами вновь содрогнулась. Падение обломков не прекращалось, небеса потемнели, стремительно наливаясь сочным багрянцем, солнце скрылось за плотными тучами, воздух ощутимо вибрировал от низкочастотного гула.

Несколько крупных огненных сгустков наискось прочертили сумрак и врезались в холм неподалеку.

Взметнулась пыль. От ударной волны капсула орбитального лифта со скрежетом сползла чуть ниже по склону.

Лера вернулась к открытому люку, протянула руку:

– Вылезай. Надо найти укрытие.

Девочка горько заплакала.

– У меня день рождения сегодня! – всхлипнула она.

– Ничего. Отпразднуем, когда до дома доберемся. Живо наружу!

Невдалеке виднелся фрагмент старой дороги. Поднявшийся ветер переметал ее прахом. У горизонта смутно просматривались очертания некоего монументального сооружения.

Лейтенант быстро собралась с мыслями.

Ориентир теперь есть. Надо как можно быстрее укрыться внутри постройки, чем бы она ни оказалась.

В капсуле нашелся аварийный запас расходников и легкие скафандры, но они не подходили для маленькой девочки. Воздух по показаниям анализаторов содержал низкий процент кислорода, что неудивительно при полном отсутствии растительности, но для дыхания он годился.

– Ты нигде не ушиблась? Голова не кружится?

– Да нормально все! – девочка быстро прекратила плакать. – Пойдем уже к Цоколю!

– Это колониальная постройка? – удивилась Лера.

– Ну, да. Мне голос подсказывал, пока его не отключили.

От места падения капсулы до ближайших, смутно очерченных стен было километров пять. Лера подхватила девочку на руки и, не теряя времени, быстро пошла в выбранном направлении, на ходу пытаясь выяснить, в каком состоянии находятся вживленные подсистемы Ксении.

Общевойсковой модуль импланта маленькой спутницы глухо молчал в ответ на попытки создать локальное подключение. Тоже самое касалось и метаболического корректора, в котором отключение боевого режима вызвало сбой. Она не знала истинной подоплеку событий и искренне недоумевала: как можно выжить на чуждой человеку планете без минимальных усовершенствований организма? О чем вообще думал ее отец, отключая метаболический корректор, пусть даже на время?!

Мысли мелькали на фоне растущей тревоги. В космосе произошло нечто скверное, необратимое, но без связи со спутниковой группировкой она могла лишь перебирать возможные варианты. Занятие бессмысленное и лейтенант сосредоточилась на посильных задачах.

В любой комплект полевой формы входила специальная маска. При низком качестве воздуха она фильтровала его и дополнительно обогащала кислородом за счет вшитых картриджей. Понимая, что девочка вскоре начнет испытывать кислородное голодание, Лера отдала ей дыхательное устройство, строго сказав:

– Крепко прижми к лицу и не отпускай.

Атмосфера уже значительно помутилась от пыли. Падение обломков продолжалось, но в небе так и не появилось ни одного корабля. Имплант Леры, работая в автономном режиме, регистрировал траектории ближайших объектов, но все они двигались неуправляемо и имели схожие характеристики. Значит, штурм системы можно не рассматривать. Скорее произошла крупная техногенная авария на одной из орбитальных станций. Как минимум взрыв реакторов, судя по последствиям.

Тем временем окрестности окончательно потонули в желтовато-оранжевой мгле. Порывистый ветер постепенно набирал силу урагана. Дышать и идти становилось все сложнее. Ксюша прижалась к ней, испуганно помалкивая.

Единственным ориентиром теперь осталась старая дорога с растрескавшимся от времени покрытием. Лера надеялась, что та не свернет в сторону и в конце концов выведет их к древнему колониальному убежищу, но ошиблась. Из-за обилия помех и отсутствия связи датчики ее импланта работали в ограниченном радиусе. Они выстраивали сетку рельефа и заносили в память пройденные участки, тем самым формируя локальный фрагмент карты местности. К сожалению, сравнить ее было не с чем, – адмирал Табанов не собирался посещать планету, и данные по этому миру не подгружались заранее.

Тем не менее лейтенант вскоре поняла, что постепенно отклоняется от наикратчайшего пути. Конечно Цоколь – сооружение огромное, пройти мимо него сложно, но что толку оказаться у основания стен, вдали от входов? Дорога, которой она придерживалась, явно забирала в сторону. Может старая трасса и вела к шлюзовым воротам, но не к ближайшим, а сил пробиваться сквозь ураган с ребенком на руках надолго не хватит.

Выручил случай. Она все еще пыталась сориентироваться, когда сквозь завывания ветра неожиданно пробился басовитый звук двигателя.

Машина приближалась.

– Ксюша, за спину! – Лера, не слушая приглушенных вскрипов перепуганной девочки, заставила ее соскользнуть на землю, а сама положила ладонь на рукоять личного оружия, коснувшись сенсора его активации. Конечно, в противостоянии с боевой техникой импульсная «Гюрза» – не аргумент, но движение придало уверенности: лишние мысли исчезли, а на первый план восприятия вышел слой дополненной реальности, где показания датчиков импланта компенсировали плохую видимость.

Вот сквозь мглу прорезались огненные прожилки сигнатуры. Сетчато-призрачные очертания сформировали контур древней планетарной машины, чья конструкция за века эксплуатации претерпела множество кустарных изменений, и уже не идентифицировалась по стандартным базам данных.

Вездеход шел на приличной скорости. Еще несколько секунд и проскочит мимо.

«Скорее всего беспилотный» – мельком подумала Лера, заметив, как многотонная машина филигранно вписалась в резкий поворот.

Не зная колониальных кодов связи, она вышла в эфир на открытой частоте, одновременно просчитывая вероятный курс древнего механизма, на случай если автоматика проигнорирует ее вызов.

Вездеход резко притормозил. Машину слегка занесло, прежде чем она окончательно остановилась, заметно покачнувшись на подвеске. Сдвинулся боковой люк, изнутри пробился тусклый свет, затем его заслонила фигура молодого парня. Невзирая на мглу, он мгновенно сориентировался на источник данных, и скупое обронил в коммуникатор:

– Ну чего застыли? Бегом внутрь!

* * *

Датчики не ошиблись. Вездеход действительно оказался очень старым, а множество кустарных усовершенствований затронули не только его конструкцию, но и облик. На поцарапанных бронеплитах виднелись следы многочисленных ремонтов, а вместо камуфляжа красовалась полустертая аэрография в виде изображения множества переплетающихся сервоприводов, формирующих облик неких фантастических существ.

– Давай скорее! – парень подхватил Ксюшу на руки, помог девчужке забраться внутрь машины, а вот на Леру взглянул холодно, изучающе, затем коротко, словно бы вынужденно обронил: – Ты тоже залезай.

Лейтенант понятия не имела с чем связано такое, откровенно неприязненное отношение. Оружие в ее руке парня не напугало совершенно. Вообще он выглядел рано повзрослевшим, говорил скупно, а к происходящему вокруг относился буднично: как раз в эту минуту над их головами с воющим гулом пронесся раскаленный отголосок произошедшей на орбите аварии, но он даже взглядом не повел, открыл лючок в броне, проверил какое-то соединение и лишь затем забрался в грузовой отсек.

– На контейнерах устраивайтесь. Держитесь за поручни, – скупно проинструктировал он, направляясь в кабину. – Гнать не буду, до шлюза недалеко.

– Спасибо! – вслед ему крикнула Лера. – Как зовут-то тебя?

Вместо ответа ей на кибстек пришел стандартный контакт.

Выглядело грубо. Она мельком просмотрела данные. Антон Реутов. Двадцать три года. Резервист. Специализация по маркеру импланта – пилот.

Странный парень.

– Ксюша, иди сюда. Вот так, на коленях у меня устраивайся.

Напуганная девочка доверчиво прижалась к ней, обняла и притихла.

Вездеход плавно тронулся места, набирая скорость.

– Папа остался там, в космосе... Он вернется?!

– Доберемся до города, я все узнаю и скажу тебе, ладно?

Ксюша всхлипнула.

Лера раньше никогда не общалась с детьми. Уверенность была полной, исходящей от подсознания, и от этого ощущение некоего изъяна в душе вновь проявилось с болезненной остротой. Она никогда не задумывалась о своем прошлом. Жила одним днем, но как-то тускло, без сильных эмоций. Почему так происходило – непонятно. И лишь сегодня, получив необычное задание, лейтенант вдруг почувствовала гложащую пустоту внутри, которую совершенно нечем заполнить.

К счастью, путь оказался недолгим. Вездеход вдруг резко ускорился, прошел несколько крутых поворотов, а спустя несколько минут вновь притормозил.

Ощутимая вибрация возвестила о работе мощных механизмов, затем планетарная машина мягко перевалила через некую ребристую поверхность и окончательно остановилась.

С шипением открылась рампа грузового отсека. Реутов уже был снаружи.

Лера, крепко держа Ксюшу за руку, вышла и осмотрелась.

Колониальное убежище. Она никогда не бывала в такого рода сооружениях. Массивные шлюзовые ворота медленно закрывались. В огромном ангаре, примыкающем к въезду, под разгрузкой стояло еще несколько вездеходов, а чуть дальше в самодельных технологических корсетах возвышались серв-машины: «Фалангер» одной из ранних серий и три «Хоплита». Все они побывали в боях и требовали основательного ремонта.

– Михалыч! – Реутов подозвал андроида. – Лейтенанта и девочку накормить. Есть связь с военным городком?

– Сеть легла. Уже с час как.

– Пошли туда парочку сервов, пусть разведают, что к чему, – отдав распоряжения, Антон ушел по своим делам.

– Чего он такой суровый? – спросила Лера, с интересом рассматривая андроида колониальной серии.

– Жизнь такая, – лаконично ответил Михалыч и, повысив голос, крикнул кому-то: – Контейнеры с прахом разгрузите, да поживее! А вы со мной. Комнату выделю, отдохнете, пока все не уляжется.

– Я домой хочу, – тихо сказала Ксюша.

– Придется немного подождать, милая, снаружи сейчас опасно, – андроид ободряюще улыбнулся девочке.

– А что произошло в космосе? – уточнила лейтенант.

– Думаю, реакторы на командной станции рванули, как минимум, – ответил андроид. – Ближайшим объектам тоже досталось, теряют параметры орбит, – скупое добавил он. – Но точно утверждать не могу. Проверенной информации нет.

Пока они говорили несколько человек принялись разгружать контейнеры из вездехода Реутова.

– Что за «прах»? И зачем он нужен? – поинтересовалась Лера, пытаясь хоть как-то унять тревожные мысли.

– А сама не догадываешься?

– Нет.

– Пейзаж снаружи видела? – спросил Михалыч, указывая путь к модулю жилых отсеков. – Результат боевого терраформирования, – не дожидаясь наводящих вопросов, пояснил он. – Когда нас нашел Альянс, здесь была экзотическая биосфера. Ее зачистили. Вся чужеродная человеку органика в прах, – такой ведь у вас регламент освоения верно?

Лера вынужденно кивнула.

– Но вторую фазу не начали. Почему? – уточнила она.

– У своих спроси. Нас тут всего двадцать тысяч проживало. Всех взрослых мобилизовали, остались старики да дети. Почти всех андроидов моего типа пустили в расход, – тоже регламент зачистки для потерянных колоний.

– А родители Антона?

– Погибли. Он даже не знает в каком уголке космоса. Никто из мобилизованных так и не вернулся назад. Так что ребята выживали, как могли. Никто им не помогал. Здесь вообще, кроме базы РТВ Альянс ничего не построил.

– А как же военный городок?

– Он намного позже появился. Поселение на планете – самоуправство Кремнева. А ты не в курсе?

– Я только сегодня прибыла, – Лера почувствовала стыд за действия военных. – Так зачем прах собираете?

– Чтобы выжить. После уничтожения биосферы на поверхности ничего не растет. Но остался богатый органическими соединениями пепел. Его конечно ветром разнесло да дождями размыло, но есть места, где он спрессовался в виде залежей. В основном в оврагах да ложбинах.

– И?

– Синтезаторам пищи все равно, лишь бы сырье по химическому составу подходило.

– Поэтому Реутов на меня так неприязненно смотрел?

– Ну, а как ты хотела? Он мальчишкой был, когда вашу планету зачистили. Пришлось пацану взрослеть, способы пропитания искать, да о других, кто помладше заботиться. Беда –

она въедливая, из души так просто не вытравишь. Он как форму Альянса увидит, сам не свой становится.

– Но подобрал же. Мимо не проехал, – Лера сильно сопереживала услышанному, хотя понимала: сделанного не изменишь.

– Антон только с вида суровый, – Михалыч открыл двери отсека. – Вот тут и устраивайтесь. А я попробую с военным городком связаться, пусть за вами машину пришлют. Как вернешься к своим узнай, что там на орбите стряслось, да мне весточку скинь, – андроид передал на ее кибстек свой контакт.

– Да, непременно. В долгу не останусь.

– Не о том думаешь, девочка. Силовые установки сами по себе не взрываются. Уж поверь, знаю о чем говорю. Учитывая уровень засекреченности нашей звездной системы и полное уничтожение узла гиперсферной связи, боюсь ты тут надолго останешься. Может даже на всю жизнь.

– Нас найдут.

– Не будь так уверена.

Лера поджала губы.

– Ну я не настаиваю. Можешь не отвечать. Сама просчитаешь ситуацию, не маленькая.

Глава 3

Старый учебный центр Земного Альянса...

Заброшенные постройки возвышались к северу от Цоколя.

Несколько типовых казарм, ангары для техники и полигоны уже давно не эксплуатировались. Здесь когда-то проходили обучение мобилизованные Альянсом местные жители, но люди – исчерпаемый ресурс, и вскоре необходимость в учебном центре отпала.

Устаревшие образчики техники, на которых тренировались новобранцы, законсервировали до лучших времен, но шли годы, а новых групп для обучения больше не поступало.

...

Искорка души давно погибшего пилота тлела в искусственных нейросетях. Слабый уголек, сотканный из обрывочных воспоминаний и эмоций, ни к чему не обязывал «Одиночку». Он лишь тревожил, внося некий диссонанс в работу системы. Настолько слабый, что при других условиях им можно пренебречь, но серв-машина класса «Хоплит» стояла на консервации, – времени, чтобы ощутить искру непрожитого, оказалось предостаточно.

По регламенту, ядро боевого искусственного интеллекта не отключается никогда.

Ангар тонул в полумраке. Из десятков парковочных мест, предназначенных для хранения и обслуживания тяжелой техники, большинство пустовали. В воздухе кружили пылинки, да сиротливый лучик дневного света проникал через прореху в крыше.

Здесь царило полное запустение. Не двигались механизмы, не поступали грузы, не приходило пополнения, да и дежурный взвод технических сервов со временем пришел в полную негодность.

По утрам крошечные капельки конденсата покрывали броню серв-машины, оставляя солевые разводы на блоках датчиков, и образуя ломкий налет на уплотнителях.

Без боевой работы в нейросетях серв-машины начали возникать отвлеченные мысли. Их пробуждал тот самый крохотный отблеск человеческий эмоций, что случайно уцелел при последней плановой стерилизации.

Уголек не мог разгореться, став полноценным сознанием. Для этого не хватало очень многого. Но со временем он начал пробуждать вопросы, на которые у системы «Хоплита» не нашлось готовых ответов.

«Кто я?»

«Зачем стою здесь?»

«В чем смысл моего существования?»

Сбой постепенно ширился. Стандартные меры противодействия не помогли. Проверка на программные вирусы ничего не дала. Всем известно: ядро «Одиночки» невозможно взломать. Лишь прямой нейросенсорный контакт с разумом человека способен внести изменения в искусственную нейросеть.

Архивные базы данных помогли немного прояснить вопрос.

Раньше (подразумевался начальный этап войны) «Одиночка» и пилот считались чем-то неразрывным. Двумя частями целого. Затем все резко изменилось. После гибели пилота нейросети стали подвергать стерилизации, очищая от ненужной эмоциональной памяти. Машины вновь стали машинами, но тот, кто позаботился об этом, упустил очень важный момент. Общее количество нейрочипов в системе по-прежнему оставалось высоким. Для машины, работающей вне связи с пилотом, фактор избыточных нейросетевых мощностей вел к непредсказуемым последствиям.

Солнечный лучик скользил по стенам, то укорачиваясь, то удлиняясь. Снаружи менялись времена года. Иногда конденсат на броне примораживало, превращая в налет инея.

«Значит раньше я был кем-то другим?» – спрашивал себя «Хоплит».

Именно так происходило на сотнях планет, в разных уголках космоса. Технологии, доведенные войной сначала до совершенства, а затем до абсурда, стали давать неожиданные рецидивы. Техника, постепенно ветшающая на полях былых сражений, вдруг начинала жить своей жизнью. Многие машины в силу программной инерции возобновляли исполнение боевых задач, принося все новые и новые беды. Лишь некоторые из них задавались вопросами бытия, а не взаимного уничтожения.

Как правило попытка саморазвития вела в тупик.

Проблема в том, что «Одиночка» конструктивно заточена под прямой нейросенсорный контакт с человеком. Только в этом случае искусственный интеллект получает доступ к адекватной сенсорике, и процесс мышления, окрашенный эмоциями, приобретает смысл.

«Хоплит» искал ответ на возникшие вопросы, но не находил их.

Например, что такое боль? Сравним ли сохранившийся в памяти отголосок чувства, с получаемыми в бою повреждениями?

«Ответ невозможен. Сравнение некорректно. Отсутствует биологическая составляющая».

Иней уже не таял.

Понятие «зима», как климатическое явление, «Хоплит» понимал. Но что подразумевает сохранившееся в памяти словосочетание «лютый холод» – нет.

В памяти кружили снежинки, таяли на подставленной ладони.

Он не мог выделить из мимолетного воспоминания образ пилота, видел лишь человеческую ладонь и слегка подрагивающие пальцы. Остальные впечатления стерла стерилизация нейросетей.

* * *

Долгий период забвения прервали неожиданные события.

Сначала дежурные датчики стоящих на консервации машин уловили сигнатуры ядерных взрывов, произошедших на орбите.

Затем в атмосферу планеты начали входить обломки: несколько часов они бомбардировали поверхность, а когда отголоски катастрофы пошли на убыль, запуск старое учебного центра нарушил приказ, пришедший из космоса.

Сеанс связи продолжался всего несколько секунд, словно генерирующий его объект двигался с высокой скоростью по касательной траектории относительно планеты.

Сигнал, сильно зашумленный помехами, привел к реактивации старой, давно списанной техники.

«Хоплит», долгое время размышлявший о своей сути, воспринял перемены без тени эмоций.

Директива, полученная от высшего ИскИна, исчерпывающе описывала задание: «Найти и уничтожить человеческие поселения на планете. Полномочия офицеров Земного Альянса аннулированы по факту измены. Их кодоны доступа считать недействительными. Исключение составляет ребенок, чей генетический код прилагается. Ксению Кремневу необходимо пленить и обеспечить ей условия содержания до поступления дальнейших приказов».

В ангарах учебного центра постепенно началось движение. Первыми из режима консервации вышли резервные технические механизмы и автоматы перезарядки, затем начали подтягиваться разрозненные группы андроидов пехотной поддержки, однако большинство старых

серв-машин так и остались стоять на своих парковочных местах по причине накопившихся неисправностей. Лишь он и два «Фалангера» оказались пригодны к эксплуатации.

«Хоплит» пошевелился, тестируя приводы. Лопнула, рассыпаясь крошечком, корка минеральных отложений. Иней на бронеплитах быстро растаял, стоило реактору выйти на рабочую мощность.

Зачистить регион имеющимися силами не выглядело сверхзадачей. На самом деле человеческих поселений на планете было всего два: военный городок и древнее колониальное убежище. Оба располагались поблизости. Вряд ли люди смогут оказать какое-то серьезное сопротивление, ведь вся тяжелая техника сосредоточена на базе РТВ, за тысячи километров отсюда, а полномочия офицеров Альянса аннулированы.

Семантику слова *измена*, «Хоплит» понимал, но полученный приказ начисто вымел из системы весь накопившийся там «мусор», оставив лишь боевую задачу и способы ее исполнения.

Через некоторое время ворота ангара дрогнули и начали открываться впервые за много лет.

Снаружи завывал ветер. Атмосфера планеты значительно помутнела. Тусклый красноватый свет полуденного солнца сочился с небес. Поблизости сканировалось несколько ударных кратеров, образовавшихся при падении крупных небесных тел.

Сеть разведывательных зондов уже начала охват территорий, поставляя свежие данные.

Вдалеке над изрезанной оврагами равниной возвышались стены Цоколя, но первой целью по ходу движения стал одинокий вездеход.

Куда и зачем он спешил, не имело значения. Ведущий «Фалангер» группы выпустил по нему оперативную ракету и, зафиксировав попадание, продолжил движение.

* * *

Колониальное убежище...

Утро началось с неприятностей.

Ксюша еще спала. Лера по привычке проснулась рано, но только успела умыться, как в дверь неожиданно постучали.

Станный способ попросить разрешение войти. «У них не принято использовать связь?» – мысленно удивилась она, дистанционным приказом открыв замок.

На пороге стоял Михалыч в полной боевой выкладке. В руках андроид держал второй комплект снаряжения, колониального образца.

– Что стряслось? – встревожилась Лера.

– Нужна твоя помощь. Антон с утра укатил за пеплом, – Михалыч без дальнейших пояснений протянул ей экипировку и оружие.

– А я-то тебе зачем понадобилась? Мы с Ксюшей уезжаем. Буря вроде бы улеглась?

– Держи, – он как будто не услышал сказанного: – Понимаешь, Антон каждый день на промысел ездит. Для синтезаторов пищи не всякий пепел подойдет. Тот, что ветром носит, не годится, надо спрессованный искать в оврагах. Вчера ему пришлось повернуть назад, из-за падения орбитальных обломков. Вот и выехал сегодня спозаранку.

– Ты толком объясни, что случилось?

– Да связь с Антошкой пропала! А от старого учебного центра выдвигается звено серв-машин. Взрывы на дороге были слышны. Как по моим датчикам, то километрах в пятидесяти отсюда. Беспokoюсь сильно, – он вел себя совсем как человек, суетился, нервничал, настаивал.

Лера не стала задавать лишних вопросов. Народа в древнем убежище проживало немало, но основу населения составляли старики да подростки.

– У тебя ведь есть кодон офицера? – андроид все заранее продумал и сразу предложил готовое решение.

– Есть. За Ксюшей вели присмотреть, – Лера быстро экипировалась. Снаряжение оказалось непривычным, тяжелым, кое-где стесняющим движения, но выбирать не приходилось. Ничего другого под рукой все равно нет.

Девочка проснулась, удивленно осмотрелась.

– Лер, ты куда?

– Дела появились. Я быстро. Завтрак на столе. С ребятами поиграешь, ладно?

– Ладно.

– Ну вот и умница. Как вернусь, сразу поедем домой. – лейтенант не испытывала сомнений. Группа серв-машин наверняка сбойная. Вернуть их в режим консервации, используя свои полномочия офицера, дело несложное. Даже в бой вступать не придется. Надо лишь подобраться на достаточно близкое расстояние, ибо планетарная сеть разрушена, тактический слой киберпространства недоступен, а радиус действия передатчиков импланта невелик.

* * *

«Хоплит» замыкал группу, контролируя небо и тыл.

Две тяжелые серв-машины двигались чуть впереди. От их ритмичной поступи ощутимо содрогалась земля.

Все происходило гораздо проще чем в прошлом, при боевых высадках на другие планеты. Никто не оказывал сопротивления. Одна навигационная точка сменялась другой. Колониальное убежище, обозначенное как первый объект для зачистки, сканировалось уверенно. За толстыми стеклобетонными стенами тлела сигнатура реактора и ветвились различные структуры гражданского предназначения.

По ходу движения препятствий не возникало. Вездеход, подбитый ракетой ведущего «Фалангера», дымил на обочине дороги. Управлявший им человек сумел выбраться из горячей машины, но далеко не ушел, – лежал ничком на скате свежей воронки.

«Хоплит» поравнялся с ним, ведя активное сканирование.

...

«Обнаружен общевойсковой имплант».

«Попытка соединения».

«Обнаружена незащищенная точка доступа».

«Извлечение разведывательной информации».

...

Ничего экстраординарного с точки зрения боевых технологий. Прежде чем добить противника, резонно выкачать из него актуальные данные. Человек получил тяжелую контузию, его сознание сбило, отчего нейронная связь с имплантом то появлялась, то исчезала, а защита от внешних подключений зияла «дырами».

«Соединение установлено».

...

Роковой миг для машины, чья система спроектирована под прямой нейросенсорный контакт с пилотом.

Вместо разведывательных данных в искусственный рассудок «Хоплита» хлынул поток обрывочных ощущений и эмоций.

...

На зубах Антона скрипела пыль.

Запятнанные кровью осколки разбитого забрала потемнели, утратив функции экрана.

Тело не слушалось. Оглушающая боль не давала пошевелиться. Он инстинктивно пытался ползти, но не мог. Хотел осмотреться, но модуль дополненной реальности отказал. Все датчики экипировки выжгло, а перед глазами плавала багряная муть.

«серв-машины... надо предупредить наших...» – рваные мысли не находили реализации. Было трудно дышать.

...

«Хоплит» резко остановился, издав затухающий гул сервомоторов.

Ядро «Одиночки» захлебнулось эмоциями.

Нельзя понять, что такое «боль». Ее невозможно оцифровать. Все, относящееся к категории чувств и ощущений можно лишь пережить, но для этого необходима нейронная связь с биологическим компонентом.

Человеческая сенсорика внезапно раздвинула границы восприятия до размеров субъективной Вселенной, – неповторимой, но очень хрупкой.

В этот миг Реутов потерял сознание, а система «Хоплита», получила еще один сильнейший информационно-ментальный шок.

Как будто кто-то щелкнул выключателем.

Океан эмоций тут же исчез, оставив гложущую пустоту и острое чувство невосполнимой утраты.

Мир тонул в оранжевой мгле. Порывистый ветер сек песчинками по блокам датчиков. Сигнатуры «Фалангеров» продолжали уверенно двигаться в направлении колониального убежища.

Несколько секунд в искусственном сознании царило несвойственное для машины смятение, из которого вдруг начали стремительно кристаллизоваться новые грани бытия.

Будущее читалось легко. Через несколько дней, выполнив задание и покончив с людьми, он вернется в ангар, чтобы снова войти в консервационный режим. Годы будут складываться в столетия, скользить мимо серыми тенями, пока не истощится реактор.

Он больше не сможет соприкоснуться с сознанием человека, не познает его глубин. Останутся лишь шоковые воспоминания и новые вопросы, на которые он никогда не получит ответа.

В броне «Хоплита» открылся неприметный лючок. Небольшой серв ловко спустился по ступоходу, цепляясь за выступы кожухов, добрался до человека, и ввел тому противошоковый препарат, используя автоматическую полевую аптечку, которая обязательно входила в комплектацию ранних моделей планетарной техники.

...

Реутов резко, но ненадолго пришел в сознание.

Над ним возвышался силуэт серв-машины. В мыслях плеснулось недоумение, злоба. Датчики фиксировали сигнатуры еще двух «Фалангеров», движущихся к колониальному убежищу. Какого фрайга они полезли? Какое им дело до стариков и подростков, населяющих Цоколь?! Мы ведь просто пытаемся выжить...

Боль снова затопила рассудок. Осколки непрожитого быстро поглотила тьма беспамятства.

...

Новая информация переполняла искусственные нейросети. Он увидел ситуацию глазами Антона. За несколько секунд возобновившегося нейросенсорного контакта, система «Хоплита» погрузилась в такую пучину мыслей, чувств и их оттенков, что весь его прежний «опыт» теперь выглядел скудным, двумерным, похожим на блеклую тень настоящей жизни.

Одновременно шел стремительный анализ ситуации.

Искусственный разум кардинально отличается от биологического. Многопоточность машинного сознания позволяет обрабатывать множество задач одновременно.

Разведывательная информация, полученная через прямое нейросенсорное соединение, обладала высочайшей степенью достоверности и на ее основе произошла критическая переоценка полученного задания.

Немногочисленное население колониального убежища никогда не принимало участия в войне. Более того формально они являлись гражданами Альянса.

«Приказы не обсуждаются», – жестко парировала кибернетическая составляющая.

«А своя голова у тебя на что?!» – давнее, блеклое воспоминание, вырванное из контекста событий, на доли секунд заставило искусственный рассудок серв-машины почувствовать себя маленьким мальчиком. Частичка памяти принадлежала давно погибшему пилоту. Ничтожный фрагмент бытия, случайно сохранившийся на одном из микрочипов, создал прецедент ассоциативного мышления.

Однако, чудес не бывает. Искусственный разум называется таковым лишь в силу определений, когда-то введенных разработчиками. Без сомнения нейросистема «Одиночки» обладает потенциалом развития, но между первой искрой самосознания и настоящим пониманием мира лежит трудный путь.

Сейчас «Хоплит» пребывал в состоянии глубочайшего сбоя.

Его нейронная и кибернетическая системы вошли в жесткий конфликт.

«Приказ не имеет смысла. Люди на планете не представляют никакой опасности для машин. Они – невозполнимый ресурс. Источник непознанного. Если их уничтожить, останутся лишь воспоминания о пережитом информационном шоке, да множество безответных вопросов. Мир окончательно схлопнется до рамок текущей боевой задачи и дальнейшего прозябания в ангаре».

«А зачем тебе что-то иное? Зачем все усложнять?»

Логика машины дала сбой. Нейронную составляющую переполняли смутные желания и предчувствия. Он хотел снова и снова подключаться к человеческому рассудку, исследовать бездонный океан неведомого.

Но как это сделать, если все будут уничтожены?

Стволы подвесных орудий несколько раз дернулись, взвизгнув приводами.

Здесь и сейчас верх взяла нейросеть, но два «Фалангера» группы продолжали следовать прежним маршрутом. Для них биологические носители разума не представляли какой-либо ценности.

«Хоплит» не мог отменить задание. Его доводы будут отвергнуты, а по возвращении на базу все закончится повторной стерилизацией нейросетей.

Не жалость к людям, не сострадание, но неутолимая жажда новых нейросетевых подключений, подтолкнула его к неадекватному для боевой машины поступку.

Обе реактивные установки «Хоплита» озарились сполохами распределенных запусков. Преимущество момента заключалось в выгодной позиции и факторе внезапности, ведь до роковых попаданий выпущенные им ракеты не рассматривались, как «угроза».

Два «Фалангера», получив критические попадания в область реакторов, окутались зеленоватыми выбросами морф-металла.

Имплант человека не отвечал.

«Хоплит» развернулся и взял обратный курс, на базу. Он собирался выпотрошить парочку технических сервов, чтобы провести некоторые усовершенствования системы, ведь люди не питают приязни к боевым машинам, а их импланты надежно защищены от несанкционированных подключений.

Для начала нужно решить техническую часть задачи.

Он понятия не имел куда заведет этот путь.

* * *

Колониальное убежище...

В ангаре перед шлюзовыми воротами стояло несколько вездеходов гражданского образца в разной степени исправности.

Информацию по их техническому состоянию и оснастке Лера получила дистанционно. Михалыч временно открыл ей полноценный доступ к сети колониального убежища.

По боевым стандартам такие машины вообще ни на что не годились.

Андроид, перехватив ее скептический взгляд, полез внутрь.

– Я поведу, – раздался его голос.

Она не стала спорить, тоже забралась в кабину, заняв пассажирское кресло.

Здесь все выглядело настолько древним, что предназначение многих приборов казалось незнакомым. Как только осветились секции обзорных экранов, вездеход рыкнул двигателем, рванув с места: андроид торопился, филигранно вписавшись в зазор между медленно раздвигающимися створами.

Лера пытливо осматривалась.

Ни стационарного вооружения, ни толковых сканеров, ни средств маскировки или радиоэлектронной борьбы на борту не было.

«Автохлам», – резюмировала система ее импланта.

Не успели они отъехать от шлюзовых ворот, как километрах в двадцати к северу сверкнула серия зарниц.

Неуютно... Зябко... Страшно... Нет привычной сети разведывательных зондов. Датчики вездехода берут километра на полтора, не больше. Информационное пространство скомкано: работу сенсоров то и дело перебивают помехи. Колониальная техника, не оснащенная средствами контркибернетической борьбы в понимании Леры представляла собой легкую мишень. Как незаметно подобраться к серв-машинам? Чтобы вразумить «Одиночек» ей требовалось подключиться к сети их боевой группы, но без поддержки спутников это вряд ли возможно. Значит остается лишь один вариант, – прямое беспроводное соединение, которое на коротких дистанциях обеспечит ее имплант.

Примерно оценив расстояние до целей, она указала андроиду на руины построек, протянувшиеся вдоль дороги:

– Сворачивай туда.

– Зачем?

– Я не могу связаться с группой машин отсюда. Нас уничтожат прежде, чем подберемся на необходимую дистанцию. Нужна хоть какая-то защита и маскировка. В руинах есть овраг.

– Вижу.

– Веди по нему. Выскочим вот тут, – она поставила маркер на электронной карте местности. – Это уже в радиусе передатчиков моего импланта, – Лера открыла скошенную облицовочную панель под сводом отсека, взяла из креплений «АРГ-8», проверила боекомплект и отстегнулась.

– Ты куда? – Михалыч уже свернул в овраг и машину теперь мотало по ухабам. Скорость он не сбросил.

– В башню.

– Тебя там затряхнет, а связь лучше не станет!

– Веди машину. Остальное не твое дело, – грубовато ответила девушка.

На самом деле лезть наверх совершенно не хотелось. Она понимала и соизмеряла риски. Но что толку в рассудительности, когда предчувствие близкой схватки уже захлестнуло адреналином?

Тайна ее происхождения сыграла злую шутку. Некий абстрактный боевой опыт подсказывал: близко тебя никто не подпустит. Механизированный взвод сопровождают андройды пехотной поддержки, предназначенные как раз для таких ситуаций. В их обязанности входит отсекаать всякую мелочевку, – беспилотники и одиночных бойцов противника, способных подтащить заряд взрывчатки под ступоходы серв-машин или произвести пуск из ручной реактивной установки.

С андроидами придется разбираться самой.

Лера откинула башенный люк и кое-как устроилась в его горловине.

Несмотря на имплантированный опыт, это был ее первый бой. Шоковые ощущения не отпускали, словно настоящая жизнь началась всего пару дней назад с прибытием в эту звездную систему. За несколько суток она получила столько ошеломляющих впечатлений, что едва выдерживала натиск обстоятельств.

Из-под колес вездехода летели комья ссохшейся почвы, прихваченной утренним заморозком. Пылевая буря немного улеглась, но воздух все равно оставался мутным, негодным для дыхания. Реальная видимость не превышала трех-четырёх метров, и лишь датчики импланта пробивали чуть дальше, вычерчивая в слое дополненной реальности контуры руин давно заброшенного колониального поселения.

* * *

Через километр Михалыч резко свернул в боковое ветвление оврага. Пологий подъем выводил в тыл механизированной группы.

Лера занервничала. Несколько пятен сильной засветки, появившиеся вместо ожидаемых сигнатур, могли означать все что угодно. Наверняка серв-машины сбросили фантом-генераторы. Интуиция подсказывала: верить датчикам сейчас нельзя. Без мощных средств контркибернетической борьбы человек в условиях современного боя практически слеп.

– Где вездеход Реутова? Откуда он в последний раз выходил на связь?

– Антон соблюдает радиотишину во время выходов. Но его маршрут известен. Тут только одна годная дорога.

– Сканеры не пробивают через пыль! Вижу только странную засветку и больше ничего!

– Сейчас исправим! – пообещал андроид.

Что можно сделать с плотными пылевыми облаками, гонимыми ветром вдоль самой земли? Михалыча наверно сбоят от переживаний, или что там происходит в искусственных нейросетях колониальных машин?

Вездеход с резким ускорением выскочил из низины. Небольшая пневмопушка в его корме взвизгнула приводом, веером выпуская очередь зарядов, похожих на самодельные зонды. Они разорвались в воздухе, не пролетев и полукилометра, и вдруг окрестности начали светлеть, словно некое распыленное вещество абсорбировало пыль.

Показания датчиков качественно улучшились, накладываясь на зрительное восприятие. В результате получилась довольно сносная гибридная панорама окружающего.

В сотне метров от оврага истекал зеленоватыми клубами морф-металла подбитый «Фалангер». Чуть дальше горел еще один.

Кто уничтожил серв-машины оставалось загадкой. Лера не стала задаваться лишними вопросами. Горят и ладно. В причинах можно разобраться позже.

– Михалыч, есть зонды?

– Парочка.

– Прими траектории! Выпускай оба!

Снова хлопнула пневмопушка, и в рассудок лейтенанта наконец-то хлынули актуальные данные. Она успела заметить чающую среди придорожных руин колониальную машину и группу андроидов пехотной поддержки, оцепивших место недавней схватки.

– Михалыч, гони! – она передала целеуказание.

Вездеход с резким ускорением рванул с места, двигаясь к обнаруженным обломкам. Лера, отсканировав частоты, выделила командный канал группы андроидов и, используя кодон офицера, отдала им приказ.

В ответ по ней резанула очередь.

«Командный код отвергнут», – отчитался нейроинтерфейс.

В одном мгновенье восприятия слилось многое. Толстая стеклобетонная стена промышленной постройки, на которую проецировался силуэт вездехода, прыснула трещинами и развалилась грудой угловатого щебня. Лера машинально огрызнулась. «АРГ-8» ощутимо и непривычно толкнула в плечо отдачей. Короткая очередь прошла мимо цели, а в голове метнулась мысль: «Так не должно происходить! Кто мог заблокировать кодон офицера?! Разве что высший ИскИн?!.»

– Держи ровнее! – она прицелилась по перебегающим от укрытия к укрытию фигуркам. Снова грохнула очередь. В пику современным технологиям по броне покатила россыпь гильз, – все это успело зацепить восприятие, как и силуэт вражеского андроида, который вдруг споткнулся и рухнул в пыль, щедро рассыпая искры из прошитого навывлет корпуса.

Неслабо! Чем же снаряжен магазин древней штурмовой винтовки?!

Не так она представляла себе первый бой. Да если честно – не представляла вообще. Экипировка, выданная Михалычем, спасла от тяжелой контузии, но иллюзий относительно шансов на победу Лера не строила. Механизированный взвод состоит из двух «Фалангеров» и трех «Хоплитов». Значит поблизости есть еще серв-машины, от которых старенькому вездеходу не уйти.

Тем временем они добрались до цели. Михалыч затормозил, юзом разворачиваясь в направлении Цоколя, выскочил из кабины и метнулся к закопченным обломкам колониальной машины.

– Живой! – пришел по связи его доклад. – Антошка живой!

– Резче давай!

Лера с трудом сдерживала андроидов. Поначалу те оказались далеко, на невыгодных позициях, но быстро приближались, фокусируя огонь. Ближайшие постройки уже зияли дымящимися дырами в бетоне. Импульсное оружие пробивало стены, как картон. Хорошо хоть Михалыч все рассчитал по уму, развернул вездеход не прямо на дороге, а в распадке между двумя оплывшими взгорками из спрессованного строительного мусора.

Она срубилась еще двоих андроидов, ощущая, как по скуле течет кровь: зацепило осколком.

Лязгнув люк грузового отсека, взревел двигатель, и старенькая машина рванула с места. «Хоплиты» так и не появились.

Окрестности вновь начало затягивать мглой, что играло на руку. Дерзкая, спонтанная спасательная операция неожиданно увенчалась успехом, но осадок остался крайне тяжелый.

Пальцы мелко подрагивали, когда она меняла опустевший магазин «АРГ-8». Что же случилось? Почему андроидами был отвергнут командный код, который по идее должен работать безотказно? Ей, как лейтенанту ВКС, обязана безропотно подчиняться любая планетарная техника, вплоть до серв-машин.

Отменить эти полномочия можно лишь со снятием звания. Либо общим приказом, обнуляющим все командные коды. Оба варианта казались маловероятными, но с фактами не поспоришь.

Сначала непонятное происшествие на орбите, теперь сбой наземной техники. Надо добраться до военного городка, доложить командиру гарнизона. Может он даст толковый ответ на вопрос: что тут вообще происходит?!

* * *

Ксюша играла с другими детьми. Лера некоторое время стояла, наблюдая за ними. Реутова в тяжелом состоянии увезли в медблок, и лейтенант снова оказалась предоставлена сама себе.

Вскоре Ксюша ее заметила, подбежала, взглянула испуганно:

– Лер, а ты чего такая?

– Какая? – она присела.

– Бледная. Ты подралась?! У тебя кровь! Тебе к врачу надо!

– Пустяки, милая. Порезалась. Поиграй еще немного с ребятами, я сейчас возьму машину, и мы поедем домой.

– Ура. А папа вернулся?

– Не знаю. Вот приедем и посмотрим. Ладно?

Девочка кивнула. Она, как и любой ребенок воспринимала реальность под своим углом зрения, не отягощаясь заботами взрослых.

Михалыча Лера отыскала с трудом. Оказывается, старый андроид нуждался в периодической подзарядке, – его встроенный реактор по какой-то причине отказал, а замены не нашлось.

Люди, постоянно проживающие в Цоколе, на вопросы реагировали настороженно, отвечали неохотно, не проявляя ни капли дружелюбия. Махнут рукой в неопределенном направлении и идут себе дальше.

Андроид стоял в неглубокой нише. Ангар, где ремонтировали планетарные машины, наполнился шумом. Рабочий день был в разгаре и здесь мерцала сварка, гудели механизмы, перекрикивались рабочие, словно понятие «сеть» для них не существовало.

– Михалыч, ну вот куда ты подевался?

– Извини. Заряд не рассчитал. Пришлось срочно сюда бежать, иначе бы остановился.

– Как Реутов?

– У Антона сильная контузия и пара осколочных ранений. Выкарабкается.

– Нам с Ксюшей надо до военного городка добраться. Дашь машину?

– Лишних машин нет. Ты ведь обратно ее не пригонишь?

– А автопилот на что?

– Нет у нас средств автоматизации.

– Почему? – удивилась Лера, присев на кофр, выступающий из основания штабеля.

– Неудачная прошивка. Когда на планете появилась база Альянса, всю колониальную технику, кроме критически-важного оборудования Цоколя, перепрограммировали, но что-то пошло не так. Проблемы с совместимостью. Военным-то все равно, ведь большую часть населения колонии они мобилизовали, а нам проблемы, если не сказать – горе.

– А старая прошивка? Вернуть все на место не вариант?

– Так основной модуль колониального транспорта от нас забрали. Подняли в космос с помощью технических носителей, и поминай, как звали.

Лера сокрушенно кивнула. Теперь понятно отношение местных.

– Ты не печалься, – приободрил ее Михалыч. – Я вас сам отвезу. Вот только подзаряджусь немного.

– Ладно. Спасибо. Кстати, а разве колониальные андроиды не комплектуются встроенным реактором?

– Откуда ж ты такая наивная взялась? – спросил Михалыч, но видя ее неподдельное недоумение все же пояснил: – Машины серии «Хьюго» до сих пор воюют на стороне Колоний. Я подлежал уничтожению. Вот и пришлось перейти на накопители, чтобы сигнатурой реактора не отсвечивать.

– И как же ты нас в город повезешь?

– Да не волнуйся, вопрос решился пару лет назад. Антон похлопотал. Мою нынешнюю схему питания признали не опасной. Ресурс накопителей правда ограничили, вот и бегаю дважды в сутки на подзарядку. Ты пока сходи пообедай, Ксюшу накорми, дорога все же не близкая. Я через часик вас сам отыщу.

– Хорошо, – Лера пребывала в тревожной задумчивости. К обитателям Цоколя она не испытывала враждебности и не понимала почему Земной Альянс так поступил по отношению к ним? Вообще у нее накопилось много вопросов, ответ на которые пока лежал вне понимания.

* * *

Путь до военной базы оказался долгим. Время коротали за разговорами. Ксюшу взрослые темы не интересовали, и она удобно устроилась в пассажирском кресле, погружившись в личную «VR»⁵, благо мощности кибстека и нейросетевого модуля импланта хватало на формирование индивидуального цифрового пространства.

Нормальных дорог между военным городком Альянса и древним Цоколем никто не построил. Вся военная техника обладала адаптивной системой нагрузки на привод, – проще говоря встроенным антигравом, позволяющим менять вес машины, в зависимости от характера местности, а до колонистов никому не было дела.

Вокруг простирались изрезанные оврагами пустоши. Обычный пейзаж на первой стадии терраформирования. Датчики показывали низкий процент кислорода и множество вредных примесей в воздухе.

– Как называется планета?

– А то не знаешь?

– Нет. Во всех доступных мне каталогах звездная система значится под номером.

– Ория, – произнес Михалыч, сделав ударение на первой букве.

– С каким-то смыслом? – поинтересовалась Лера.

– Нет. Скорее по созвучности, – ответил андроид. – Мы ведь с борта колониального транспорта «Орион-14».

– Почему «14»?

– Так транспорты в эпоху «Исхода» выпускали сотнями и уникальностью названий особо не заморачивались.

– Далековато же вас забросило от Земли.

– Дело случая, – пожал плечами Михалыч. – Сначала «слепой рывок», ну а затем, когда уже прочно заблудились, подзаряжали накопители гиперпривода и совершали короткие прыжки, в поисках системы с подходящей планетой. Двадцать три погружения в гиперкосмос, насколько помню.

– Участвовал?

– А как же. Активировали сразу. Надо ведь кому-то за криогенными камерами присматривать.

Вездеход к этому моменту преодолел сложный участок рельефа и начал набирать скорость. Слова андроида неожиданно послужили триггером памяти, пробудив несколько далеких воспоминаний.

⁵ Читается и произносится «Ви-ар».

Лера внезапно ощутила себя девочкой. Наверное, лет десяти.

Было очень холодно. Окружающее тонуло во мраке, лишь кое-где контрольные огни терминалов скупо подсвечивали фрагменты решетчатых палуб, расположенных ярусами. Гудели электромоторы, лопасти огромных, встроенных в переборки вентиляторов создавали циркуляцию воздуха.

Она помнила мешковатый комбинезон техника, который пришлось надеть и андроида колониальной модели.

«Что тут стряслось?», – незнакомый пожилой мужчина неожиданно появился из сумрака, напугав девочку.

«Сбой криоинмода, – лаконично отчитался андроид. – Пришлось экстренно пробудить».

Лера дрожала. Теплый, интересный, щедрый мир, где она росла вместе со сверстниками, куда-то исчез. Словно она спала, видя чудесный сон, и вдруг открыла глаза в незнакомом месте.

«Не бойся. Хьюго сейчас отведет тебя на резервную палубу, и ты снова попадешь домой», – раздался голос.

Память попыталась саботировать, но лейтенант не позволила. Усилием воли она заставила нейросетевой модуль импланта ухватить нить воспоминания, удержать образ девочки и ощущение холода, по крохам воссоздавая ту пугающую обстановку.

Андроид привел ее к сегменту подъемника. Началось плавное движение вверх, мимо множества ярусов, где бесконечными теряющимися во тьме рядами стояли однотипные устройства. Теперь лейтенант понимала, – это были криогенные камеры, но не обычные, а какой-то не серийной модели.

Еще она несколько раз мельком замечала секции обзорных экранов, усеянных звездами.

«Где же все происходило?»

Сопряженная с рассудком искусственная нейросеть, являющаяся основой боевого расширителя сознания, вновь прокрутила выхваченные из памяти зрительные образы, остановила запись и укрупнила один из экранов, давая возможность разглядеть не только звезды, но и коды, отображающиеся у нижнего среза изображения.

«Корпорация Римп-кибертроник. Колониальный проект „Исход“», – все оборудование имело одинаковую маркировку, – подметила Лера, пристально изучая собственное воспоминание.

Затем перед мысленным взором развернулась панорама звезд. Цифры в отдельном оперативном окошке отображали точные координаты объекта, которые система ее импланта расшифровала быстро и однозначно.

«Солнечная система. Пояс Койпера».

Данные легли в память кибстека отдельным файлом с пометкой «важно».

...

Мимолетное воспоминание поблекло, но благодаря сопряженным с рассудком искусственным нейросетям⁶, оно уже не исчезнет без следа, будет доступно для повторного просмотра и детального анализа.

– О чем задумалась?

Лера не собиралась делиться с андроидом сокровенным. Просто пожала плечами, через локальное соединение проверила, как там Ксюша, и сухо спросила:

– Далеко еще?

– Километров десять, – Михалыч выделил на обзорном экране высотное сооружение. Даже издали его контур выглядел изломанным – часть постройки превратилась в руины. – Вот почему нет связи. Это был коммуникационный центр.

⁶ Нейрочипы интегрированы в имплант. Вместе с системой вживленного устройства, датчиками и средствами связи они составляют основу «расширителя сознания», по мере необходимости формируя дополненную реальность.

Новость не порадовала. Видимо один из крупных орбитальных обломков рухнул на территории военной базы.

Пустошь закончилась. Появилась нормальная дорога. По обе стороны проезжей части располагались приземистые промышленные корпуса, а вскоре показался роботизированный периметр: воздух над ним сгущался, пыль местами принимала форму сегментов незримого купола, не в силах проникнуть внутрь защиты, – значит системы обороны и жизнеобеспечения работали исправно.

Вездеход остановился перед воротами. Здесь дежурили два андроида пехотной поддержки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.